

Рощина Светлана

Шаги забвения

18+

Светлана Рощина

Шаги забвения

«Автор»

2018

Рощина С.

Шаги забвения / С. Рощина — «Автор», 2018

После смерти мужа Олеся узнаёт, что он был не тем человеком, которого она знала. Желая очистить свою память от воспоминаний о неудачной семейной жизни, она отправляется в далёкую северную деревню к шаманке, которая умеет готовить чудодейственное зелье. Но чтобы зелье подействовало, Олесе необходимо по новой пережить каждый эпизод своего прошлого, который она хочет забыть. Преодолевая душевную боль, Олеся погружается в воспоминания, проходя шаг за шагом историю своих отношений с мужем. Много ли тайн хранит их семейная жизнь? Удастся ли Олесе избавиться от груза прошлого, или же она обречена до конца дней жить под гнётом своей вины?

© Рощина С., 2018

© Автор, 2018

Люди порой простят тебе добро,
которое ты им сделал,
но почти никогда не прощают зло,
которое причинили тебе.

Уильям Сомерсет Моэм

Фальшь и лицемерие
производят большее впечатление,
чем истина.

Эрих Мария Ремарк

Да простят меня дети за то, что я вытащила на свет Божий правду об их отце, но я не могла больше держать это в себе. Пусть люди узнают о том, каким был мой муж, и поймут, что нельзя судить о человеке по первому впечатлению.

Я сидела в банкетном зале кафе за поминальным столом и слушала выступления многочисленных родственников и коллег своего мужа, которые пришли сюда исключительно для того, чтобы поесть и напиться на халяву, потому что никто из них не дал мне ни копейки, чтобы хоть немного компенсировать затраты на похороны. Никто не предложил мне помощи. А когда я сама, преодолевая неловкость, обращалась к кому-то из них с просьбой, то в ответ получала лишь отказы, прикрываемые стандартными отговорками.

И вот сейчас все они со спокойной совестью набивали желудки за мой счёт, произнося нескончаемые речи об утрате самого доброго, щедрого и отзывчивого человека на свете, которым, по их словам, был Андрей, мой муж.

Один из коллег мужа рассказал о том, как после переезда его семьи на новую квартиру, Андрей вечерами после работы помогал ему делать ремонт и не брал за это никаких денег. Другому товарищу Андрей помог перевозить мебель. Третьему помог устроиться на работу. Четвёртому одолжил денег, когда они были ему очень нужны. Пятого поддержал добрым словом в трудную минуту. И так далее. Каждому он оказал какую-то услугу, о которой хотелось помнить. И только мне, несчастной вдове, прожившей с Андреем восемнадцать лет в браке, нечего было сказать и нечего вспомнить. За все годы замужества я не видела от своего супруга ничего хорошего. Лишь постоянные унижения, скандалы и попойки. И все прошедшие годы я спрашивала себя: как же можно было так ошибиться в человеке? Как же я могла выйти замуж за мужчину, в котором нет ни одной положительной черты? Ведь и любви-то особой у меня к нему не было. В двадцать лет я вышла замуж за Андрея лишь потому, что родителям не терпелось избавиться от меня. А Андрей, с которым я тогда только познакомилась, был так настойчив, мил и обаятелен, что сложно было устоять. Он каждый день объяснялся мне в любви, дарил небольшие подарки в виде шоколадных батончиков или мороженого, и я надеялась, что и в семейной жизни этот человек будет ко мне так же добр и внимателен. Но буквально на следующий день после свадьбы всё изменилось. Я оказалась замужем за домашним тираном и деспотом, который к тому являлся алкоголиком. И хотя я много раз пыталась с ним развестись, осуществить это мне не удалось, потому что идти было некуда. Родители отказались пустить меня обратно, а уходить в никуда или к другому мужчине я боялась из-за страха попасть из огня да в полымя.

И потому не проходило дня, чтобы я не упрекала себя за то, что не рассмотрела в Андрее тех черт, которые бы подсказали мне, что ему нельзя верить. Складывалось впечатление, что мы хоронили разных людей. Я хоронила ненавистного мужа, который постоянно измывался

надо мной и над детьми, заставляя голодать и терпеть ежедневные унижения. А толпа родственников и знакомых хоронила лучшего друга, который был для них опорой в трудную минуту.

Шёл уже пятый час застолья, а никто из присутствующих и не думал расходиться. Лишь я сидела и думала о том, как там мои дети, которых я оставила дома одних. Ведь у Алёны, моей шестнадцатилетней дочери, утром поднялась температура до тридцати восьми и семи, а я даже не вызвала к ней врача, потому что нужно было срочно ехать на кладбище с внезапно нагрянувшими родственниками, которые отчего-то не могли сделать ни шагу без меня. А мой пятилетний сын Артём фактически остался без присмотра в одной комнате с больной сестрой. И как они весь день справляются без меня – непонятно.

А тем временем выступающие продолжали произносить речи. И обращаясь ко мне, все наперебой повторяли, как дорог был им Андрей, и что они готовы постоянно чтить его память. И на девять дней, и на сорок, и на полгода, и на день рождения, и на все годовщины подряд.

– Олеся, ты нам звони. Мы всегда приедем помянуть Андрея, – говорили все, а я думала лишь о том, что их желание поест и выпить за мой счёт растёт с каждым минутой.

Неужели они и вправду надеются на то, что я готова выбрасывать по сотне тысяч рублей каждый раз, когда им захочется помянуть Андрея? Хотят поминать, пусть идут на кладбище, за свои деньги покупают цветы и водку, и пьют её рядом с могилой, а не в банкетном зале кафе за мой счёт. А мне нужно думать о том, как накормить и напоить своих детей, а не кучу прихлебателей, именующих себя друзьями моего покойного мужа.

Рядом со мной за столом сидела одна из коллег Андрея – девушка по имени Надя Скворцова. Всё это время Надя старательно подкладывала мне в тарелку куски мяса и салатики, к которым я так и не притронулась. Я сидела, словно отрешённая, потому что всё, что сейчас происходило, казалось мне постановочным спектаклем, в котором я по какой-то неведомой причине являюсь одним из главных действующих лиц. А через некоторое время Надя сказала:

– Олеся, не хочешь освежиться? Пойдём вместе сходим в дамскую комнату.

Не осознавая, что делаю, я автоматически поднялась с места. Надя взяла меня под руку, и мы вместе пошли в туалет.

– Олеся, у меня даже в голове не укладывается, как ты будешь жить дальше, – приглушённым голосом проговорила Надя, пока мы шли. – Потерять такого мужа! Андрей всегда был для нас образцом того, каким должен быть мужчина.

Слова Надежды вывели меня из оцепенения, и я остановилась.

– Что ты хочешь этим сказать? – произнесла я, поворачиваясь лицом к девушке.

– То, что ты и сама прекрасно знаешь, – кивая головой, ответила Надя. – О таком муже мечтает любая девушка. Внимательный, заботливый, верный. Его мысли всегда были только о семье. Ведь большинство мужей не заставишь пойти с ребёнком к врачу, а твой Андрей всегда сам ходил с больными детьми в поликлинику. А сколько раз он отпрашивался у начальника для того, чтобы посидеть с тобой, когда у тебя была высокая температура! А когда ты уехала на неделю к родителям, потому что твоему отцу делали операцию на сердце, Андрей после обеда сразу же уходил с работы домой, чтобы успеть забрать дочь из школы, а потом сходить в детский сад за сыном, – печальным, но в то же время восхищённым голосом говорила Надя. – Да, Андрей очень часто отпрашивался с работы, но никто его за это не упрекал, потому что все понимали, как тяжело ему приходится. Больная жена, дети без присмотра, да ещё и родственникам помогать нужно. Андрей был такой отзывчивый! Как ты без него теперь будешь жить – не знаю, – грустно закончила Надя.

Признаться, у меня челюсть отвисла, когда я всё это услышала. Ведь в словах Надежды не было ни слова правды! Андрей никогда не ходил с детьми в поликлинику, даже когда я его очень об этом просила. Он никогда не сидел рядом со мной, когда я болела, а это случалось не так часто, как говорила Надя. И уж, конечно, моему отцу не делали операцию на сердце и

никаких других операций. И я никогда не уезжала из дому на неделю, оставив детей на попечении мужа. Если я куда-то и уезжала, то только вместе с детьми. Неужели Андрей всё это выдумал? Но для чего? И где он проводил столько времени, если не на работе?

Думая об этом, я продолжала стоять на месте, уставившись невидящим взглядом на Надю. Она же восприняла моё состояние по-своему.

– Держись, Олеся, тебе придётся очень тяжело, – добавила девушка, снова беря меня под руку.

А через несколько мгновений Надя направилась в туалетную кабинку, а я подошла к умывальнику. Там уже находилась ещё одна из коллег Андрея – Татьяна Серёгина. Татьяна стояла у зеркала, поправляя причёску. Увидев меня, она немного смутилась и спешно убрала расчёску в сумочку. После этого Татьяна сделала шаг вперёд и, подходя ближе, сказала:

– Олеся, даже не представляю, как тебе сейчас тяжело, – не скрывая своих расстроенных чувств, скорбно произнесла она. – Андрей был не такой как все. Он был..., – тут Татьяна запнулась, подбирая подходящее слово. – Он был настоящим. Нам всем его будет очень не хватать.

После этих слов Татьяна обняла меня за плечи, выражая сочувствие, и вышла из туалета. А я взглянула на своё отражение в зеркале и подумала. Теперь мне всё стало ясно. Вот как Андрей одурачил меня перед свадьбой. Тогда, восемнадцать лет назад, он тоже показался мне хорошим парнем. Настоящим. Но теперь я знаю, что всё это было лишь маской, скрывавшей его истинное лицо. Вся его показная доброта и искренность были насквозь фальшивыми. Но об этом знала только я, да дети. Мы знали, каким на самом деле был Андрей, но только если бы мы решили рассказать кому-нибудь об этом, нам бы никто не поверил.

Не дождавшись Надежды, я решила вернуться в банкетный зал. Но ещё до того, как зайти в него, я услышала чей-то громкий мужской голос:

– Какая Олеся всё-таки стерва! Угробить такого мужика! Однозначно она сделала это из-за квартиры.

И затем голос свекрови:

– Так и есть! Этой негоднице от Андрюшеньки всегда нужна была только московская квартира. Она скоро и меня в гроб вгонит! Вот увидите! От таких, как она, никогда ничего хорошего ждать не приходится! И как только Андрюшенька её столько лет терпел? Бедный мой сыночек! – всхлипывая, восклицала свекровь. – Уж лучше бы эта бесстыдница сейчас в гробу лежала, а не мой Андрюшенька!

Услышав эти слова, я чуть не споткнулась на ровном месте. И как только у этих людей язык повернулся такое сказать? Да если бы не я, ваш драгоценный Андрюшенька уже давно гнил бы в сырой земле! Это я, как Савраска, закусив удила, тащила это ярмо на себе столько лет, и теперь, оставшись одна с двумя детьми и потратив все свои сбережения на похороны, ещё и виноватой оказалась? Боже, разве это люди? Как только их земля носит?

Как же сильно русские люди любят, не разобравшись в сути дела, поливать грязью других, словно тем самым они смывают с себя часть собственных грехов! Ведь даже если посмотреть на внешний вид присутствующих, то можно было сразу определить, кто здесь находился в трауре, а кто пришёл исключительно для того, чтобы бесплатно поесть и выпить. Ведь в этом зале я была единственным человеком, одетым в чёрное. Все остальные были разодеты так, словно пришли на званый ужин. Мужчины были в джемперах различных оттенков, а женщины в атласных жакетах, кружевных платьях и вышитых кофточках всевозможных цветов. На плечах многих женщин были цветастые павлово-посадские платки. А на матери Андрея, хоронившей единственного сына, была надета крепдешинная блуза бирюзового цвета с блёстками. Когда утром, перед отъездом на кладбище, я увидела свекровь в подобном одеянии, то просто лишилась дара речи, но постаралась не высказать своего ошеломления, объяснив себе поведение этой женщины шоковым состоянием. Но только теперь стало очевидным, что в шоке здесь

пребывала исключительно я, а остальные пришли просто для того, чтобы хорошенько выпить, поесть и беззаботно провести время.

А в перерывах между речами народ веселился. Мужчины заигрывали с женщинами, рассказывая неприличные анекдоты, а дамы в ответ кокетливо смеялись над услышанными шутками. И лишь когда требовалось снова выпить, кто-нибудь поднимался со своего места, и разговоры смолкали. Выражения лиц становились серьёзными и все выпивали очередную стопку водки в гробовом молчании. Закусывали, и потом веселье продолжалось снова.

Не в силах более здесь находиться, я стала собираться домой.

Увидев, что я пошла в гардеробную, чтобы одеться, Галина, двоюродная сестра Андрея, спросила меня:

– Олеся, ты уже уходишь?

– Да, Галя. Мне нужно к детям. У дочери ангина, и она очень плохо себя чувствует.

– Тогда, конечно, иди, – понимающим тоном сказала Галина. – Я передам, что ты пошла к детям.

– Спасибо, – ответила я и попрощалась с ней.

Остальным я не сказала ни слова.

Вернувшись к детям, я не стала им ничего рассказывать. Им и так пришлось нелегко. Причём Артём даже не был в курсе, что с папой случилось несчастье, так как у меня не было возможности ему об этом рассказать. Всё произошло слишком неожиданно, и у меня совершенно не оставалось времени, чтобы погоревать или хотя бы осмыслить произошедшее. Нужно было заниматься похоронами, потому что, как оказалось, кроме меня заняться этим было некому.

Четыре дня назад – 2 января – муж поехал на дачу в Калужскую область. Это была его традиция. Новогодние праздники длинные, и делать зимой особо нечего, тем более, когда пять человек вынуждены ютиться в малогабаритной двухкомнатной московской квартире, а с деньгами в семье негусто. Вот муж и сбегал от семейных обязанностей на дачу, чтобы там беспрепятственно пить вместе с многочисленными родственниками и соседями, которым точно так же нечего было делать.

И я не препятствовала мужу, потому что таким образом отдыхал не только он, но и я. И когда на следующий после отъезда день, мобильный телефон Андрея перестал принимать сигнал, я даже не забеспокоилась, потому что была уверена в том, что муж снова напился до чёртиков и теперь спит без задних ног, а телефон, как всегда, забыл зарядить.

И даже когда родственники мужа, живущие в той же местности, начали названивать свекрови, сообщая, что на нашей даче случился пожар, я и подумать не могла, что Андрей находился внутри. Я не сомневалась в том, что сейчас он, пьяный, валяется у какого-нибудь соседа на диване и храпит так, что стены сотрясаются, потому что за восемнадцать лет брака подобные вещи случались постоянно. Стоило мужу одному пойти вечером в гости к какому-нибудь приятелю, то можно было уже не ждать его домой. Андрей пил до тех пор, пока не падал лицом в салат в прямом смысле этого слова. И если меня не было рядом, то, естественно, транспортировать его домой было некому, и потому хозяева укладывали Андрея спать где-нибудь на диванчике. А утром он просыпался как ни в чём не бывало. Опохмелялся и ехал по своим делам. А меня, понятное дело, никто даже не удосуживался уведомить о местопребывании мужа, так же впрочем, как и он сам. Поэтому я привыкла к неожиданным отлучкам Андрея и со временем перестала поднимать панику, когда он не возвращался домой и не выходил на связь, как это я делала в первые годы нашего брака. Так что узнав о пожаре на даче, я лишь подумала о том, что эту развалюху давно нужно было сжечь, и чья-то хулиганская выходка теперь позволит нам избавиться от кучи проблем, связанных с содержанием этого полуразвалившегося домишки, до которого было очень сложно добраться общественным транспортом.

А личного автотранспорта у нас, естественно, не имелось. И мысли о том, что дача в таком труднодоступном месте нам совершенно не нужна, посещали не только меня, но и Андрея. Но он уговорил меня не торопиться с продажей дома, пока его мать жива, потому что не хотел лишать её возможности общаться с родственниками, которые, в большинстве своём, и жили в Калужской области. Вот я и ждала. И в итоге дождалась того, что в доме случился пожар. Но меня это совсем не тревожило. Но свекровь не разделяла моего спокойствия.

Она бегала по квартире и кричала, что я должна немедленно ехать в Калужскую область и тушить этот самый пожар. И хотя я говорила ей, что это бессмысленно, свекровь не унималась и не хотела слушать никаких разумных доводов. Ведь чтобы доехать до дачи, нужно было выйти из дома в пять утра, иначе туда ни на каких оленях до ночи было не добраться. А даже если я каким-то невероятным и чудесным образом на попутках и смогла бы часов за семь доехать до места, то, в любом случае, к тому времени тушить было бы нечего. Поэтому я решила спокойно подождать вестей от Андрея, который должен был позвонить нам, когда проспится.

Но Андрей так и не позвонил. Позвонили снова родственники мужа, которые сообщили, что Андрей сгорел вместе с домом. Причём никто даже не попытался его вытащить по одной простой причине. Все точно так же, как и я, были уверены, что он засиделся накануне у кого-то в гостях, поэтому его никто не пытался искать. Все ждали, что он сам выползет из норы, в которой отсыпался. И лишь когда дом сгорел дотла и начали разбирать завал, обнаружили обгоревшие останки Андрея.

Узнав об этом, у свекрови поехала крыша. Она отложила в сторону телефон и подошла ко мне.

– Олеся, позови Андрея. Мне нужно с ним поговорить, – обратилась она ко мне.

Услышав эти слова, у меня волосы встали дыбом. Этого ещё не хватало! Мало того, что теперь мне предстояло в одиночку ехать на общественном транспорте за телом покойного мужа и одновременно организовывать в Москве похороны, оставив детей одних, так тут ещё и свекровь с ума сошла. И я просто не знала, что делать.

– Андрея здесь нет, – спокойным голосом ответила я свекрови. – Он уехал на дачу.

– А зачем ты его туда отправила? – напустилась она на меня.

– Я его никуда не отправляла. Он сам решил туда поехать, – чеканя каждое слово, произнесла я.

– Нет, это ты его прогнала! Ты выгнала его из дома! – с кулаками набросилась на меня свекровь. – Верни мне Андрея!

– Я его не прогоняла, – взяв свекровь за руки, спокойным тоном ответила я. – А Вам лучше прилечь и отдохнуть. Пойдёмте, я уложу Вас в постель.

– Нет! Я не хочу в постель! Я хочу поговорить с Андреем! Позови его! – продолжала кричать свекровь.

Наверное, следовало вызвать психиатра, но в тот момент мне стало жаль эту женщину, лишившуюся единственного сына. Каким бы плохим человеком она не была, и как бы плохо не относилась ко мне, сейчас был не тот случай, когда следовало выяснять отношения. Поэтому взяв свекровь под руки, я отвела её в комнату и уложила в постель.

– Вам нужно отдохнуть. Вам нужно поспать, – не повышая голоса, твердила я, накрывая женщину одеялом.

И только когда свекровь уснула, я вернулась в свою комнату и стала думать о том, как лучше поступить в этой ситуации. И для начала следовало уведомить о несчастном случае руководство подразделения полиции, где Андрей проходил службу. Что я и сделала.

Признаться, я искренне надеялась, что все хлопоты и расходы по организации похорон полиция возьмёт на себя. По крайней мере, я неоднократно слышала о подобных случаях, когда семьи погибших сотрудников не тратят ни копейки на похороны. Они лишь скорбят, а все кругом утешают их и помогают, кто чем может. Но, вероятно, это был не мой случай, потому что

коллеги Андрея велели мне взять с собой побольше денег и пообещали организовать машину для транспортировки тела, которую я должна сопровождать, равно как и заниматься другими организационными вопросами.

И тут я растерялась. В свои тридцать восемь лет у меня не было опыта организации похорон. К тому же на дворе были праздники, и ритуальные агентства, а также другие конторы, занимающиеся выдачей необходимых документов, были закрыты. Большинство моих друзей разъехались кто куда, и мне не к кому было обратиться за помощью. Даже моя лучшая подруга Вера, чья моральная поддержка в тот момент была мне очень нужна, укатила к родственникам в Красноярск на все праздники, и я просто не могла до неё дозвониться. И тогда я решила попросить родственников мужа, живших в Москве, помочь мне.

Я начала обзванивать народ, объясняя ситуацию и прося оказать мне содействие.

– Олеся, как у тебя хватает совести сейчас нас о чём-то просить? – отвечали мне все. – Случилось такое горе! Думаешь, мы в состоянии что-то делать? Хоронить мужа – это твои обязанности! Но помянуть Андрея мы к тебе придём. Говори, куда и во сколько нужно подъехать.

– В том-то и дело, что я не могу этого сказать. Мне нужно ехать за телом в Калужскую область, и я вернусь только завтра вечером. У меня нет времени организовывать поминки. Может быть вы, как близкие родственники Андрея, возьмёте это на себя? – снова просила я.

– Не зря Андрей всегда считал тебя жадной! – слышала я в ответ. – Даже достойно похоронить мужа не можешь!

– Да я готова компенсировать любые расходы! – оправдывалась я. – Но я не могу разорваться! Я не могу заниматься организацией похорон и поминок в Москве и одновременно быть в Калужской области, чтобы сопровождать перевозку тела мужа!

– Это – твой долг! Так что постарайся везде успеть! А когда определишься с местом и временем проведения поминок, то не забудь сообщить нам, – слышала я в ответ.

Я обзвонила всех родственников и знакомых мужа, чьи телефоны имелись в моей записной книжке, но никто не изъявил желания помочь. И я поняла, что, как обычно, мне придётся всё делать самой. Заниматься организацией перевозки тела, собирать необходимые документы для похорон, решать вопросы на кладбище, искать подходящее кафе для проведения поминок. И естественно, всё это делать за свой счёт, а также без документов, которые сгорели на даче в Калужской области. А также следить за выжившей из ума свекровью, лечить дочь, так некстати заболевшую ангиной, заботиться о пятилетнем сыне, у которого шило в одном месте, и его ни на секунду нельзя оставить без присмотра. В общем, всё как всегда. Я одна и куча проблем. И возможно потому, что всю свою жизнь мне приходилось решать проблемы подобным образом, я справилась. Не знаю как, но справилась. Трудным лишь было договориться об организации погребения Андрея в Москве без документов, что произошло так же по халатности моего покойного мужа, который последнее время даже за сигаретами не выходил без полного набора документов, удостоверяющих личность, включая служебный жетон и личный номер. Вследствие чего передо мной возникла непосильная задача: в выходной день, когда ни одна государственная организация, занимающаяся выдачей справок, не работает, доказать в ЗАГСе, который выдаёт свидетельство о смерти, а потом и на кладбище, что Андрей был прописан в Москве, хотя ни одной бумажки, подтверждающей этот факт, на руках у меня не было.

Правда, в комнате свекрови имелся чемоданчик, закрытый на ключ, в котором она хранила некоторые документы, которые бы помогли мне. Например, свидетельство о рождении Андрея или документы на захоронение свёкра, подтверждавшие право на участок на кладбище. Но эта безумная женщина категорически отказалась мне что-либо давать. Также она отказалась идти со мной куда-либо, чтобы лично подтвердить сведения об Андрее, и поэтому мне пришлось всеми правдами и неправдами решать всё самой. Только вот бродить в полной темноте среди могил, утопая по колено в снегу вместе с сотрудником кладбища, чтобы найти место захоронения свёкра и доказать право на семейную могилу, было не особенно приятно.

И, конечно же, мне пришлось потратить все свои накопления. Двести тысяч рублей ушли за два дня. Но я надеялась, что многочисленные родственники и знакомые Андрея, так дружно пришедшие помянуть его, компенсируют хотя бы часть этих затрат, но я ошиблась. Во время похорон и поминок я всё ждала, что кто-нибудь подойдет ко мне и вручит конвертик с деньгами, как это принято у русских людей. Но нет. Все присутствующие, а их было не менее полусотни, дружно ели и пили за мой счёт, произнося слезливые речи, но никто не подумал о том, что единственной потерпевшей стороной в этой ситуации являюсь я, так как в результате произошедшего с Андреем несчастья я превратилась в нищую мать-одиночку с двумя детьми, да ещё и с сумасшедшей свекровью в придачу.

И когда я вернулась домой после похорон, то просто не знала за что приняться. Дочери стало хуже, и мне пришлось бежать в аптеку за лекарствами, а на следующий день вызывать доктора, чтобы оказать больному ребёнку медицинскую помощь. Но по счастью, хотя бы с Артёмом ничего плохого не случилось. Он продолжал лихо носиться по квартире, играя в свои мальчишеские игры, и я была рада тому, что хоть у одного из моих детей сейчас нет серьёзных забот, потому что сама я стала похожа на зомби.

Как любому нормальному человеку мне хотелось погоревать и поплакать, потому что мне было очень жаль Андрея. Ведь никто не заслуживает такой смерти – сгореть заживо. Но у меня не было возможности посидеть и погрустить, потому что со смертью мужа сразу же возникло слишком много бюрократических проблем, которые нужно было немедленно решать.

Нужно было выписать Андрея из квартиры и оформить пенсии на детей. А для этой цели сотрудники отдела кадров подразделения полиции, где работал муж, заставили меня саму доставать документы, необходимые им для проведения служебной проверки, по результатам которой они должны направлять соответствующие материалы в Пенсионный фонд. И мне пришлось через своих знакомых обращаться к следователю, который вёл дело о пожаре, прося его дать копию заключения об отказе в возбуждении уголовного дела. Затем нужно было доставать копию акта вскрытия тела в соответствующем медицинском учреждении. Нужна была справка от участкового и куча других документов, целесообразность которых мне было сложно понять.

Я полагала, что всей этой работой должен заниматься кадровый аппарат подразделения полиции. Но эти славные бойцы ответили мне, что если я хочу оформить пенсию на детей и получить страховку за мужа не через несколько лет, а в ближайшем будущем, то в моих интересах ускорить этот процесс и самой собрать все необходимые документы. Поэтому мне пришлось снова разрываться на части, тратя кучу времени и денег на телефонные переговоры и на поездки в Калужскую область, выводя при этом из себя своё собственное начальство, которое никак не могло взять в толк, почему бедная вдова должна самолично собирать информацию и доставать документы для того, чтобы одно отдельно взятое подразделение полиции могло закрыть служебную проверку по факту гибели своего сотрудника.

Впрочем, мне тоже это было совершенно непонятно, но выбора-то у меня не было. И я металась, разрывалась на части, выполняя чужую работу, а моя драгоценная свекровь, которая к этому времени уже успела оклематься от пережитого, начала ежедневно терроризировать меня, обвиняя в смерти своего сына. И ко всему прочему после смерти Андрея начали всплывать неллицеприятные факты, которые муж, оказывается, скрывал от меня.

Так, выяснилось, что его заработная плата составляла не пятьдесят две тысячи, как он мне говорил, а семьдесят. Я своими глазами увидела на его рабочем столе квиток из бухгалтерии, когда поехала на работу Андрея, чтобы забрать его вещи.

А ведь даже из тех пятидесяти двух тысяч, которые он, якобы, зарабатывал, он отдавал мне не больше тридцати пяти, объясняя это какими-то рабочими нуждами, которых, как оказалось, и в помине не было. Но зато в рабочем шкафу мужа нашлось несколько бутылок дорогой водки. Так что теперь стало понятно, куда уходила заработная плата Андрея. И эту самую

водку коллеги моего покойного мужа затем со спокойной совестью прикармливали себе, чтобы им было чем помянуть своего отзывчивого друга.

Но даже эта щедрость никак не смогла удержать этих людей от сквернословий и напрасных обвинений в мой адрес. Для всей этой честной компании я была рыжей мигерой, которая держала мужа на таком коротком поводке, что не позволяла ему даже пачку сигарет купить. Все считали, что бедный Андрей, как Золушка, от зари до зари пахал на семью, в то время как я целыми днями валялась на диване и не отрывала взгляд от телевизора. А в промежутках между этим занятиями совершала бесчисленные шопинги, тратя зарабатываемые мужем деньги на собственные обновления. А уж о количестве любовников, которые у меня, якобы, были, и которых мой муж по доброте душевной вынужден был терпеть, и повторить неприлично.

Я услышала о себе такое, что у меня просто уши вяли, потому что я даже и предположить не могла, что мой ленивый и вечно пьяный муж будет приписывать себе все мои подвиги, выставляя меня перед чужими людьми такой, каким был он сам.

И когда же всё это закончится?

Свекровь ежедневно обвиняла меня в том, что я сжила со свету её бедного сыночка, и просто удивительно, как он раньше не наложил на себя руки, имея такую жену, как я.

Каждое моё утро начиналось с того, что свекровь, едва услышав мои шаги по коридору, выскакивала в ночной рубашке из своей комнаты и начинала вопить, что было мочи. Темы её истерик были разнообразными: от заявлений о том, что я всю жизнь использовала своего мужа, отбирая у него все деньги, до обвинений в гибели Андрея.

Я не пыталась оправдаться или что-то опровергнуть – это было бессмысленно, так как эта безумная женщина меня совершенно не слушала. Я лишь просила её об одном: кричать потише, чтобы не напугать детей. Но она всё равно продолжала орать, и дети всё это слышали.

А вечером, едва я возвращалась домой, эпопея продолжалась, но в новой ипостаси. Теперь темами обвинений свекрови были любые недоразумения, произошедшие за день. Так, если она не могла найти свою шапку, то вечером, прямо с порога она начинала на меня кричать, обвиняя в том, что я украла эту самую шапку.

– Но как я могла это сделать? – спрашивала я свекровь, пытаясь воззвать к остаткам её рассудка. – Ведь я же весь день была на работе!

– Значит, ты приезжала днём! Забрала мою шапку и снова уехала на работу! – не моргнув глазом, отвечала свекровь.

– Но Вы же весь день были дома! И если бы днём я приезжала сюда, то Вы бы точно меня увидели! – пыталась я выстроить логическую цепочку, чтобы доказать абсурдность выдвинутых обвинений. – Но Вы меня не видели, а значит, меня здесь не было, и, стало быть, взять шапку я не могла!

– А кроме тебя сделать это было некому! – снова переходила в атаку свекровь. – Отдай мою шапку! Отдай, не то я заявлю на тебя в полицию!

– Заявляйте! Мне всё равно, потому что я не брала ни Вашей шапки, ни других вещей. Они мне без надобности.

Но свекровь подобные ответы не устраивали. Она весь вечер ходила за мной по пятам, не давая ни готовить, ни поесть, ни сходить в туалет, и продолжала орать, обвиняя в пропаже шапки.

А на следующий день всё повторялось сначала. С утра были обвинения в смерти Андрея, а вечером эта женщина кричала на меня за то, что я, якобы, украла у неё губную помаду, крем для рук или что-то другое, что она не могла найти в течение дня. И уговорить её не было никакой возможности. Стоило мне в ответ произнести хоть слово, как она тут же обрушивалась на меня с новой порцией обвинений, словно только и ждала момента, когда я отреагирую на её слова.

В итоге у меня начались проблемы с сердцем. Серьёзные проблемы. Я могла потерять сознание практически в любой момент: на работе, в транспорте, и, конечно же, дома. Но всем было наплевать на моё здоровье. Вся родня: и моя, и мужа, а также многочисленные знакомые – были на стороне свекрови, благодаря её живописным сказкам обо мне, как о гулящей бабе, алкоголичке и воровке. Почему-то все верили ей, а не мне. Благодаря этому, а также рассказам мужа, создавшим мне скверную репутацию, в глазах родственников и общих знакомых я была недостойным и дурным человеком, и от меня все отвернулись. Никто не только не протянул мне руку помощи, но и наоборот, норовил плюнуть в спину, как падшей женщине, заслужившей все свои беды. К кому бы я не обращалась за помощью, все отворачивались, говоря одно: «Ты сама это заслужила». Но только в чём я была виновата?

Многие знакомые, зная о моей тяжёлой семейной жизни, упрекали меня в том, что я не ушла от мужа, продолжая добровольно тащить свой крест.

Да, говорить легко. Как говорить, чужую беду руками разведу. Но если бы кто-то другой оказался на моём месте, неизвестно, как бы он поступил в этой ситуации.

Да, я действительно, несколько раз уходила от мужа. Собирала вещи и возвращалась к родителям. И что вы думаете? Каждый раз моя мать прогоняла меня обратно. Она всегда выставляла меня на улицу, даже тогда, когда в холодный декабрьский день я пришла к ней с двухмесячной дочерью на руках.

Узнав о моём плачевном положении, мать равнодушно сказала:

– У тебя теперь другая семья, и к нам ты вернуться не можешь. Возвращайся к мужу.

После этого она указала мне на дверь, заставив уйти.

Тогда я стала просить своих многочисленных родственников приютить меня, но везде встречала отказ, что, однако, совершенно не мешало им впоследствии обращаться ко мне с самыми обременительными просьбами.

Я просила друзей, у которых была своя жилплощадь, позволить мне пожить у них некоторое время, но тоже встречала отказ. Никому не хотелось заниматься чужими проблемами. Все лишь пытались утешить меня своими советами. Да только какой прок от пустых советов, если мне с грудным ребёнком негде жить и нечего есть?

Никто не хотел вникать в мою ситуацию. Все дружно считали, что мои семейные проблемы – результат лишь моей вины. Никто не хотел видеть того, что семья не может быть улицей с односторонним движением, и уж тем более, не является спортивным полем, где все голы должны забиваться в одни ворота. Семейные обязанности должны быть обоюдными, также как и уважение в семье. Нельзя все заботы и проблемы взваливать только на одного человека, чтобы остальные могли жить всласть, ни о чём не думая и ни о чём не печалься. Так не должно быть.

Однажды я читала дочери такую сказку. У одного мужика были конь и осёл. И коня мужик очень сильно любил и берёг, взваливая всю тяжёлую работу на осла. И однажды хозяин так перегрузил осла ношей, что тот, задыхаясь, попросил коня помочь ему, взяв часть груза себе. Но конь ответил ослу, что если бы хозяин хотел этого, то сам бы передал часть ноши коню. И в итоге измученный осёл издох. И тогда мужик подошёл к ослу и сказал: «Наверное, я слишком перегрузил бедное животное». И сняв груз со спины осла, переложил его на коня. И теперь уже конь, еле переставляя ноги, шёл и думал о том, что нужно было помочь ослу, пока тот был жив, а сейчас уже он и сам не уверен в том, что сможет донести ношу до конца пути.

И на протяжении всей своей замужней жизни я каждый день ощущала себя тем самым несчастным ослом, который, находясь на последнем издыхании, тащит на себе непосильную ношу, даже не надеясь при этом, что сможет донести её до конца.

Да, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

И сколько бы раз я не пыталась уйти от мужа, мне всегда приходилось возвращаться обратно, потому что идти было некуда.

Из-за того, что муж пил, пропивая не только свои деньги, но и мои, если я не успевала их хорошенько спрятать, у меня не было накоплений, поэтому даже съёмная квартира была для меня непозволительной роскошью.

Это сейчас существуют банковские карты, и банки предлагают делать вклады с удобными режимами управления денежными средствами, но я вышла замуж в 1994 году, когда ничего этого не было. Дефолт 1998 года, нищета начала двухтысячных, и очередной финансовый кризис 2008 года не позволяли мне надолго встать на ноги.

Как утверждал бессмертный Воланд, москвичей испортил жилищный вопрос. Так оно и есть. Сколько семей москвичей мыкаются на скромной жилплощади, знают только москвичи.

Мне некуда было идти, поэтому я продолжала жить с нелюбимым мужем и ненавидящей меня свекровью и мечтать каждый день о том, чтобы смерть поскорее пришла ко мне и избавила от дальнейших страданий.

И однажды она пришла. Но не за мной, потому что у меня оставалось слишком много дел на этой земле. Она пришла за моим мужем, который прожигал свою жизнь, будто она досталась ему в нагрузку с другим товаром. Бог отбирает жизни у тех, кто их не достоин. Кто не ценит этот дар, позволяя себе терять человеческой облик и разум.

Возможно, что это так, потому что иного объяснения произошедшему у меня нет.

У Стивена Кинга в романе «Долорес Клейборн» встречается одна прекрасная фраза: «Несчастный случай – лучший друг несчастной женщины». Пожалуй, это было сказано как раз про меня.

В постановлении следователя, проводившим расследование обстоятельств гибели Андрея, было указано, что причиной пожара послужила техническая неисправность электропроводки в доме. Но знакомые и коллеги моего мужа были уверены в том, что Андрей курил в постели и заснул с непогашенной сигаретой в руках. Но никто даже и не подумал спросить меня, что я думаю по этому поводу. Все были настолько плохого мнения обо мне, что даже не пожелали принять в расчёт мои умозаключения по этому поводу, хотя именно меня и стоило спросить первую очередь, так как только я знала этого человека лучше, чем кто-либо другой.

Я считаю, что произошедший несчастный случай был исключительно следствием безалаберности и других отрицательных качеств Андрея, о которых никто не догадывался. А дело было в том, что перед празднованием Нового года мы, как, пожалуй, и многие другие люди, купили петарды и фейерверки, чтобы устроить свой маленький салют после боя курантов. Но в новогоднюю ночь мы использовали не всю купленную пиротехнику, оставив часть её на последующие дни. И вечером того дня, когда Андрей уехал в деревню, я решила прогуляться вместе с детьми и запустить оставшиеся фейерверки. Собравшись на прогулку, я заглянула в пакет, где должны были лежать петарды. Но их там не было. Я обыскала всё, но ничего не нашла. И это означало одно: их забрал с собой Андрей. Муж, как всегда, не сказав ни слова, решил лишить детей запланированного развлечения исключительно для того, чтобы удивить деревенских алкоголиков салютом. И хотя мне было жутко обидно и неловко перед детьми, я даже не удивилась подобному поступку мужа, так как это было в его характере. И я полагаю, дальнейшее развитие событий было следующим.

Андрей, приехав на дачу, бросил пакет с петардами прямо у порога рядом с печкой. Это тоже было в его духе: не разбирать вещи сразу, раскладывая их по полочкам, а бросить там, где разулся. Затем он отправился пьянствовать. Посидел с одними родственниками, затем с другими, потом с соседями. А ночью он завалился домой пьяным, не в состоянии адекватно оценивать свои действия.

В доме было холодно, так как отопление там отсутствовало. Поэтому для обогрева использовалась печь или электрический обогреватель, который вряд ли мог согреть весь дом в январский мороз. И Андрей затопил печь, что подтвердили его коллеги, которым он звонил в тот день. О брошенных в момент приезда петардах он напрочь позабыл и лёг спать. Уснул

он крепко, так как был сильно пьян. И когда дрова в печи прогорели, разогрев её стены, это спровоцировало взрыв петард. И начался очень сильный пожар, так как дом был деревянным. Андрей же, будучи пьяным в стельку, возможно, даже и не понял, что произошло, задохнувшись угарным газом и не пытаясь выбраться из дома.

Подобные выводы подтверждаются показаниями очевидцев пожара, которые утверждают, что дом резко вспыхнул и начал гореть подозрительно быстро и это притом, что за время отсутствия в нём в течение нескольких месяцев людей он должен был отсыреть. Но поскольку никакого криминала в произошедшем несчастье не было, никто не стал докапываться до истины. Но я уверена, что всё было именно так, как я только что изложила.

Что ж, этот человек сам выбрал свою судьбу, и печальный конец его жизни являлся исключительно следствием его собственных действий, а не трагической случайностью, как все думали. Для меня же картина происшествия была очевидна. Но разве кого-то интересовало моё мнение? Все горевали о потере своего товарища, а я продолжала мучиться в эмоциональном вакууме и терпеть издевательства старухи-свекрови, у которой в жизни больше не осталось никаких других развлечений, как ежедневно пить мою кровь.

И вот однажды, собравшись с духом, я приняла важное решение: уйти от свекрови на съёмную квартиру. Казалось бы, что здесь особенного? Многие семьи вместо того чтобы продолжать ютиться на тесной жилплощади, предпочитают снимать жильё и жить отдельно от своих родственников. Но только вряд ли в их числе полно матерей-одиночек с двумя детьми, которые добровольно отказались от московской квартиры и от половины заработка, чтобы отдавать его своим наймодателям.

И хотя я и без того во многом себе отказывала, стало очевидно, что подобный шаг необходим, потому что, оставаясь жить вместе со свекровью, я могла потерять гораздо больше, чем деньги. А именно, свой рассудок, а также психическое здоровье своих детей, поведение которых после смерти их отца стало заметно хуже. Воспитатели в детском саду стали жаловаться на поведение Артёма, а классный руководитель Алёны – на её успеваемость и отношения с одноклассниками. Мне советовали отвести детей к психологу, что я и сделала, но абсолютно безрезультатно, потому что совет о том, что нужно наладить отношения в семье, были пустым звуком. Как я могла договориться со свекровью, которая и слушать меня не хотела? В ответ на любые мои слова она сразу же переходила на крик, подтверждая мою давнюю теорию о том, что у неё проблемы с психикой.

В своё время я даже пыталась отправить её на лечение. Но врачи мне популярно объяснили, что принудительная госпитализация пациента возможна лишь в трёх случаях. Первое. Зафиксированная официальными властями попытка суицида. Но рассчитывать на это было бессмысленно, потому что человека, любящего себя сильнее, чем моя свекровь, во всём мире не сыскать.

Второе. Нападение на другого человека с целью причинения ему тяжких телесных повреждений, опасных для жизни, совершённое при двух совершеннолетних свидетелях. Но свекровь вредила мне исключительно наедине. При посторонних людях она тут же превращалась в безобидную старушку. Так что этот вариант тоже отпадал.

И третье. Добровольное обращение человека в лечебное учреждение с целью госпитализации. Но об этом и речи быть не могло, потому что свекровь никогда и ни за что в жизни не сделала бы ничего хорошего ни для меня, ни для своих внуков. Например, сжить нас со свету, чтобы остаться единоличной хозяйкой квартиры и всех наших доходов, это она может. А сделать доброе дело от чистого сердца – это, извините, увольте.

Поэтому не добившись положительного результата в этом направлении, я решила обратиться к участковому за помощью. Но и здесь меня постигла неудача, потому что когда я заявила к нашему участковому уполномоченному полиции с официальным заявлением, то услы-

шала вежливый ответ, содержание которого сводилось к следующему: «Идите, гражданочка, лесом».

Выслушав все обстоятельства дела, участковый, в свою очередь, начал рассказывать мне о том, какое сейчас сложное время для работников полиции в связи с масштабным сокращением штатов в органах внутренних дел. Затем он поведал мне о том, что он вместе с женой и малолетними детьми живёт в служебной квартире, и его жилищные условия гораздо хуже моих. И в завершении разговора он доверительно сообщил мне, что если он придёт к моей свекрови для беседы, то она, будучи, как он понял, женщиной скандальной и невосдержанной на словах, может на следующий день заявиться к его начальству и пожаловаться на то, что он, бедный участковый, якобы, пытался её изнасиловать. И хотя, конечно, до суда дело не дойдёт, но эта некрасивая история может доставить ему и его семье много неприятностей, потому что он может лишиться не только работы, но и квартиры. И вместе со своими малолетними детьми ему придётся жить на улице. Именно поэтому я, как здравомыслящая женщина, должна войти в его положение и сама урегулировать свои семейные дела.

Свекровь же, чувствуя безнаказанность, с каждым днём вела себя ещё хуже. И теперь к основным обвинениям в мой адрес добавилось ещё и требование о том, чтобы мы с детьми отказались в её пользу от своей части наследства Андрея.

Признаться, наследства как такового не было. В собственности моего мужа была лишь злосчастная дача в Калужской области, которую он купил на свои собственные деньги ещё до нашей свадьбы. И поскольку дача сгорела, то в собственности остался лишь земельный участок, на который претендовала свекровь. Да ещё и 88 тысяч рублей страховки за сгоревший дом.

Никакого завещания Андрей, естественно, не составлял, так что теперь мы все имели право на это добро. Но свекровь не хотела ограничиваться своей частью. Она хотела получить всё. Причём она так меня достала, что я готова была согласиться на любые её требования, лишь бы эта женщина уgomонилась. Да только от меня это не зависело.

По законодательству отказ от наследства, причитающегося несовершеннолетним детям, возможен лишь с согласия органов опеки и попечительства. И я обратилась в эту организацию, чтобы они дали это самое согласие, объяснив свою просьбу тем, что из-за проклятого наследства у нас в семье сложилась абсолютно нездоровая обстановка. И это притом, что и делить-то особо нечего. Но и здесь меня ждало разочарование. Оказалось, что органы опеки и попечительства действуют исключительно в интересах прав несовершеннолетних лиц, в связи с чем не дают своего согласия на сделки, влекущие за собой отчуждение принадлежащего им имущества.

И как бы я их не уговаривала, добиться положительного результата мне не удалось. В качестве оправдания своих действий сотрудницы органов опеки и попечительства сообщили мне, что в их практике встречались случаи, когда бабушки отказывались от своей доли наследства в пользу внуков, но с обратной ситуацией они никогда ранее не сталкивались. Только легче от этого мне не становилось, тем более что в решении органов опеки и попечительства свекровь усмотрела мой злой умысел и с новой силой стала обвинять меня в корысти.

И тогда я поняла, что качусь в пропасть, из которой уже не будет выхода. Если так будет продолжаться дальше, то мой рассудок и тело не выдержат натиска и откажутся выполнять свои функции. Теперь передо мной уже стоял вопрос о выживании. Или я или она – свекровь.

И самое ужасное в этой ситуации было то, что дети тоже катились в пропасть вместе со мной. Вечерами дочь говорила мне:

– Мама, тебе хорошо, ты ушла на весь день на работу и не общаешься с бабушкой. А мы с Артёмом здесь. Ты даже не представляешь, что она говорит о тебе за твоей спиной.

– Неужели хуже того, что она каждый день высказывает мне? – удивилась я.

– Гораздо хуже, – кивнула дочь, и по выражению её лица было видно, что поведение бабушки вредит ей не меньше, чем мне, а может и больше.

И после очередного психического припадка свекрови я села за компьютер, включила Интернет и нашла телефон риелтора, предлагавшего услуги по поиску в съёме квартиры в нашем районе.

На удивление, подходящий вариант нашёлся достаточно быстро, и, даже не уточняя подробностей, я заключила договор аренды однокомнатной квартиры. Конечно, мне следовало поискать двухкомнатную квартиру, но даже пара тысяч в месяц арендной платы не были теперь для меня теперь лишними, а ютиться всем вместе с одной комнате я уже привыкла. Ведь даже в детстве у меня не было никакого личного пространства, так что уж говорить теперь, когда приходилось снова затягивать пояс потуже?

И я сообщила детям новость о предстоящем переезде, и они очень этому обрадовались. И фактически за один день мы собрали самые необходимые вещи в чемоданы и сумки, вызвали машину из службы грузоперевозок и переехали на новое место жительства.

Честно говоря, я думала, что свекровь, увидев наши приготовления, начнёт меня отговаривать, испугавшись перспективы остаться в квартире одной. Всё-таки ей семьдесят семь лет. И, полагаю, в таком возрасте всё-таки хочется иметь рядом человека, который мог бы и за лекарствами в аптеку сбегать, и «Скорую помощь» вызвать, если что. Но я ошиблась. Свекровь в радостном возбуждении бегала по квартире и следила за тем, чтобы мы случайно не прихватили что-нибудь из её вещей. А как только мы уехали, она тут же вызвала мастера, чтобы поменять дверные замки. Правда, об этом я узнала несколько позднее от родственников, которым она после моего переезда выдала новую порцию лжи.

И вот в очередной раз мне пришлось начинать всё сначала. Большая часть добра, нажитого мной за время семейной жизни, включая мебель и технику, осталась у свекрови. Но я готова была, как в юности, стирать бельё руками и ходить круглый год в одной куртке, лишь бы не видеть эту старуху, не общаться с ней и не слушать нескончаемые упреки знакомых и родственников, обвиняющих меня, якобы, в распутной жизни.

И, осуждаемая всеми, я стала жить вместе с детьми, стараясь всячески оградить их от общения с теми людьми, которые могли причинить им вред.

Мы старались не говорить об Андрее, чтобы не тревожить болезненными воспоминаниями свои израненные сердца. И через некоторое время я стала замечать, что мои дети изменились. Они стали более спокойными и уверенными. У них даже появился аппетит, хотя раньше мы питались по принципу: когда придётся и чем придётся. Дети стали больше смеяться и шутить, и лишь я продолжала всё сильнее увязать в своём горьком прошлом, которое, как болото, с каждым днём затягивало меня, не позволяя строить нормальные отношения с людьми.

Я всегда молча несла свой крест, никому не жалуясь и не рассказывая о своих семейных проблемах даже подругам. Но когда Андрей умер, и все люди вокруг меня стали превозносить моего покойного мужа до небес, выставляя чуть ли не агнцем божьим, я поняла, что не могу продолжать молчать. И когда кто-то в моём присутствии начинал хвалить Андрея, я аккуратно заявляла, что не всё в наших семейных отношениях было так идеально, как говорят.

Конечно, с теми людьми, с которыми Андрей честно пропивал свою зарплату, разговаривать было бесполезно, потому что люди, которых мой муж из года в год поил водкой и выручал деньгами, совершенно не хотели слушать ничего, порочащего честь их закадычного друга. Но те, кто довольно-таки долгое время знал меня и знал исключительно с хорошей стороны, а не по слухам и сплетням с чужих уст, выслушивали мои слова, кивали в ответ, но одновременно старались ограничить мою откровенность следующими словами:

– Олеся, мы прекрасно понимаем, что тебе довелось пережить, и как тяжело молодой женщине потерять мужа. Но сейчас в тебе говорит обида, потому что ты осталась одна с двумя детьми, а свекровь отказывается тебе помогать. И из-за этого семейная жизнь видится тебе только в чёрных красках. И вполне естественно, что ты немного преувеличиваешь, когда гово-

ришь об Андрее, потому что ни один мужчина, имеющий семью, не мог поступать так, как, по твоим словам, поступал Андрей.

– Конечно, не мог, – соглашалась я. – На самом деле, он поступал гораздо хуже, чем я пытаюсь сказать. Но мне слишком больно говорить правду. Поэтому, действительно, я немного искажаю истину, опуская самые обидные и унижительные подробности, которые мне довелось пережить.

Но мне не верили. Все сочувственно кивали, гладили меня по плечам, после чего молча отходили в сторону, не желая становиться свидетелями чужой трагедии. И я снова оставалась одна. Меня поддерживала лишь Вера, моя подруга, с которой я случайно познакомилась, пока сидела в очереди в стоматологу, около трёх лет назад, но за это время мы успели с ней крепко сдружиться. Мы обменивались рецептами, секретничали по самым интимным вопросам, и старались встречаться или хотя бы созваниваться каждый день. Но даже Вере я стеснялась рассказывать всю правду.

Однажды я проснулась среди ночи и увидела в кровати рядом с собой мужа. Он лежал и улыбался, глядя на меня. И в ужасе я вспомнила о том, что он умер и поэтому никак не мог быть сейчас рядом со мной, но увиденное опровергало этот факт. Возможно, я что-то перепутала, приняв желаемое за действительное, и на самом деле мой муж жив и здоров. И как бы в подтверждение этому Андрей протянул ко мне руки и привлёк к себе. А я была настолько охвачена ужасом, что даже не посмела сопротивляться.

Муж крепко прижал меня к себе. А также положил свои ноги на мои, сдавив моё тело окончательно. Дышать стало трудно, а пошевелиться – невозможно. И я почувствовала себя как бы внутри Андрея, словно он заглотил меня, как удав кролика, и не было никакой возможности вырваться наружу.

«Неужели это никогда не кончится? – обречённо думала я, закрывая глаза. – Вероятно, я в аду, коль даже смерть не спасает меня».

А когда я снова открыла глаза, рядом никого не было. Это был лишь дурной сон! Или наоборот, именно сейчас я сплю?

И в таком безумном полудрёме-полубодрствовании я повела всю ночь, а утром встала чуть свет, разбудила дочь, отвела сына в детский сад и отправилась на работу. И, словно по случайному совпадению, ко мне подошёл коллега по имени Михаил и сказал:

– Олеся, а ведь вы с Андреем были венчаны. Значит, ты всё равно остаёшься его женой, неважно умер он или нет.

– Нет, Миша, – ответила я. – Когда нас венчали, то священник произнёс фразу: «Пока смерть не разлучит вас». Значит, всё. Теперь я свободна. Я даже обручальное кольцо в день похорон Андрея пожертвовала церкви, потому что всё равно не смогла бы его больше носить.

– Но я всё же сомневаюсь, что ваш брак окончен, – продолжал настаивать на своём Михаил. – Думаю, тебе стоит сходить в церковь и узнать об этом. Может быть, тебе стоит развенчаться и получить соответствующий документ об этом.

И по совету Михаила я пошла в церковь, чтобы пообщаться со священником.

Я честно отстояла всю службу, прошла процедуру исповеди и причастия, после чего поинтересовалась у батюшки, свободна ли я теперь или же мне нужно пройти какую-то дополнительную процедуру или обряд. И священник уверил меня, что теперь я свободна и должна жить дальше, не оглядываясь на прошлое, не мучая себя и ни в чём не обвиняя.

Легко сказать! Умом я, конечно же, понимала, что батюшка абсолютно прав, и нужно полностью последовать его советам, да только сделать это было не так-то просто. Восемнадцать лет тяжёлого замужества так просто с плеч не скинешь. Я каждый день продолжала оглядываться назад, вновь и вновь переживая унижения, оскорбления и обиды, которые пришлось терпеть от мужа.

Я стала избегать людей, особенно мужчин. Я боялась открывать дверь или отвечать по телефону. Увидев на улице кого-то из знакомых, я старалась быстренько где-нибудь спрятаться или убежать, потому что не хотела получить новую порцию упрёков в свой адрес. Я замкнулась, общаясь только с Верой, потому что она всегда была на моей стороне, защищая от всех нападок и обвинений.

– Олеся, так нельзя, – говорила она мне, когда мы по время обеденного перерыва отправились прогуляться по скверу. – Тебе нужно отвлечься. Смотреть на других мужчин. Хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю?

– Нет. Сейчас я не готова к серьёзным отношениям, – отвечала я подруге.

– А кто говорит о серьёзных отношениях? – с хитрецей в глазах посмотрела на меня Вера. – Тебе нужно развлекаться, бывать на людях. Ты хоть помнишь, когда у тебя последний раз был секс?

– Нет, – растягивая это короткое слово, ответила я. – Я же говорила тебе, что последние несколько лет у мужа были серьёзные проблемы с потенцией из-за алкоголя.

– О чём я тебе и говорю! – воскликнула Вера. – Олеся, так не может дальше продолжаться! Ты – молодая! У тебя ещё столько может быть впереди! А у меня складывается впечатление, словно ты похоронила себя вместе с мужем.

Вместо ответа я вздохнула. Да, Вера в очередной раз была права. Хотя я и не тосковала по мужу, его смерть, а точнее, та жизнь, которую мы прожили с ним вместе, слишком сильно повлияла на меня. Я спряталась в скорлупу и совершенно не собиралась из неё выбираться.

– Есть у меня один знакомый по имени Александр, – продолжала свои уговоры Вера. – Уж он такой дамский угодник! Если девушка ему понравится, то он в лепёшку расшибётся, но сделает всё, чтобы доставить ей удовольствие. Во всех смыслах, если ты понимаешь, о чём я. А ты ему точно понравишься. Он любит таких стройных и симпатичных, как ты.

– Надеюсь, он не женат? – недоверчиво произнесла я исключительно для того, чтобы Вера не подумала, что я её не слушаю.

– Разведён. Два раза был женат и два раза разводился. Но у него, между прочим, трёхкомнатная квартира в Москве. Так что если у вас с ним что-то получится, то это будет для тебя неплохим бонусом.

– Да, трёхкомнатная квартира – это очень неплохо, – без тени энтузиазма произнесла я.

– Более того, это – отлично! В общем, я смотрю, ты решилась, – довольным голосом отметила Вера. – По этому поводу нужно устроить вечеринку. У моей приятельницы есть дача в закрытом посёлке недалеко от Москвы. Там я тебя с ним и познакомлю.

– Вера, но ты же знаешь мою ситуацию! Я не могу уезжать из дома на ночь. У меня же дети! – сразу же пошла я на попятную.

– А кто говорит о ночи? Дача большая, двухэтажная. Комнат много. Поэтому вы с Александром вполне можете уединиться и днём. Так даже проще будет. Меньше конкуренции.

– Вера, но я так не могу! С незнакомым мужчиной! И сразу в постель!

– А кто говорит, что сразу? Сначала вы познакомитесь. Пообщаетесь. Выпьете. А там, глядишь, дело и пойдёт.

– Что-то сомневаюсь я, что оно пойдёт. Я уже сто лет с мужчиной не была. И забыла, что и как нужно делать.

– Именно поэтому я и хочу познакомить тебя с Александром. С ним тебе ничего делать не придётся. Он сам всё сделает, а тебе останется лишь получать удовольствие, – тоном, не допускающим возражений, заявила Вера, и не в состоянии найти никаких других весомых аргументов, я сдалась.

Пожалуй, подруга понимала меня лучше, чем я сама. Наверное, именно это сейчас мне и было нужно. Отношения, которые ни к чему не обязывали, и секс. Поэтому я согласилась в

ближайшую субботу приехать на дачу к приятельнице Веры. И в назначенный день я встрети-лась с подругой у метро, села в её машину, и мы поехали навстречу приключениям.

При въезде в посёлок нас встретила Мария, та самая приятельница Веры, которая устра-ивала вечеринку.

Проехав через контрольно-пропускной пункт, мы подъехали к даче, которая принадле-жала обеспеченным родителям Марии.

Да, домик был хорош! Кирпичный, двухэтажный, с банькой на заднем дворе, этот особ-няк мог вместить в себя достаточно много народу. Впрочем, так оно и было.

Когда мы с Верой зашли в дом, веселье было в самом разгаре. Приглашённых было чело-век двадцать или тридцать, я не могла посчитать точно, потому что народ то входил в дом, то выходил на двор, где жарились шашлыки. Гремела музыка, и у меня сразу же зашумело в ушах. Я снова начала сомневаться в том, что правильно поступила, приехав сюда. Но предаваться сомнениям Вера мне не позволила, подведя ко мне высокого лысоватого мужчину, чей возраст уже приближался к пятидесяти. У мужчины были манеры заправского ловеласа, и его сальный взгляд сразу же опустился на мои ноги, благо, ему было на что посмотреть, потому что Вера заставила меня одеть мини-юбку.

– Олеся, познакомься, это – Александр, – представила мне мужчину подруга. – Саша, это – Олеся. Очень хорошая девчонка, – добавила Вера, обращаясь потом к Александру.

– Очень приятно, – расплываясь в улыбке, сказал Александр, и было ясно, что первый отборочный тур я прошла успешно.

Однако на меня этот товарищ совершенно не произвёл никакого положительного впечат-ления. Обычно от таких субъектов я стараюсь держаться подальше, не подпуская к себе и на пушечный выстрел. Но, возможно, в этот раз Вера была права, и мне стоило дать новому зна-комому шанс просто для того, чтобы перестать киснуть, запираясь в четырёх стенах от целого мира.

Взяв под локоть, Александр отвёл меня в сторону и предложил присесть на стул, что я и сделала.

– Шампанского? – предложил он, и я кивнула в ответ, надеясь, что после небольшой порции алкоголя стану чувствовать себя смелее.

Мы выпили, и Александр начал разговор. Сначала он рассказал мне анекдот, над кото-рым я постаралась засмеяться, хотя и не поняла смысла. Потом он начал говорить о себе и о своём новом проекте, который должен принести ему кучу денег. А я сидела и хлопала глазами, продолжая улыбаться, и постоянно просила подлить мне ещё шампанского.

Вера периодически подходила ко мне и шептала на ухо:

– У тебя всё порядке? Саша не обижает тебя?

– Спасибо, Вера. Всё хорошо, – отвечала я подруге.

А через некоторое время Александр произнёс:

– Олеся, тебе не кажется, что здесь слишком шумно? Может быть, нам стоит подняться наверх и там продолжить беседу?

И хотя я прекрасно поняла, к чему это было сказано, но согласилась.

– Да, здесь, действительно, шумно, – ответила я, поднимаясь со стула.

Слегка приобняв меня, Александр подвёл меня к лестнице, и мы поднялись на второй этаж. Открыв дверь ближайшей комнаты, он ввёл меня в спальню.

– Ты не против? – произнёс он, глядя мне прямо в глаза.

– Нет. Я не против, – ответила я, расслабившись под действием шампанского.

Тогда Александр закрыл дверь и подошёл ко мне. Он начал целовать меня, и я постара-лась ответить ему. Затем он стал расстёгивать мою кофточку, и я не стала сопротивляться. Потом он присел на кровать, а я осталась стоять. Александр расстегнул мой бюстгальтер и стал целовать грудь. После этого я закрыла глаза. Признаться, Александр, действительно, знал

свое дело, и мне захотелось продолжения. Я опустила голову, взглянув на него, но увидела на месте Александра своего покойного мужа. Он целовал мою грудь, держа меня за талию. И я закричала.

– Уходи от меня! Ты умер! Оставь меня в покое!

Но Андрей не уходил.

– Ты – моя жена! И я никуда от тебя не уйду! – произнёс Андрей, ещё сильнее сжимая меня в своих объятиях.

И я снова закричала. Я стала бить Андрея по рукам, пытаюсь освободиться, и мне это удалось.

Схватив одежду в руки, я прижала её к груди, чтобы не терять время на одевание, и выбежала из спальни.

Сбежав по ступенькам, я влетела вниз, врезавшись в людей, которые здесь танцевали.

Протиснувшись сквозь них, я выбежала на улицу.

– Олеся, что случилось? – услышала я позади себя голос Веры и обернулась. – Он обидел тебя?

– Нет, – произнесла я дрожащим голосом. – В спальне был Андрей! Он прикасался ко мне. Говорил, что никуда не уйдёт от меня! – запинаясь, отвечала я подруге.

– Какой Андрей? О чём ты говоришь? – озабоченно поинтересовалась Вера.

– Мой муж! – прошептала я ей на ухо.

– Но он же умер!

– Вот именно! Вера, мне нужно уехать отсюда! Срочно!

– Хорошо-хорошо. Только не волнуйся, – сказала Вера, даже не пытаясь спорить со мной. – Давай-ка быстренько оденься, чтобы не привлекать лишнего внимания, а я пойду и заведу машину.

– Но как ты сядешь за руль? Ты же, наверняка, выпила! – начав одеваться, спросила я у подруги.

– Не беспокойся. Я пила только сок. Я же знала, что тебя нужно будет везти обратно к детям.

– Спасибо тебе. Ты всегда меня выручаешь!

– А на что ещё нужны подруги? – улыбаясь, сказала Вера и пошла к машине.

Потом Вера отвезла меня домой, хоть я и уговаривала её высадить меня на ближайшей автобусной остановке. Про историю с Александром, который неожиданно перевоплотился в моего покойного мужа, подруга даже не спрашивала, всю дорогу отвлекая меня от произошедшего весёлыми разговорами, вызвав тем самым мою глубокую признательность. Но после этого случая я вообще перестала куда-либо выходить, наотрез отказавшись от новых знакомств. Каждый день я бегом неслась на работу и бегом возвращалась домой, откуда меня невозможно было никуда вытащить. Я общалась только с детьми и с Верой, которая всегда разговаривала со мной так, словно ничего странного в моём поведении не было. Но на самом деле кое-что странное со мной всё же происходило. Да только я предпочитала помалкивать об этом, чтобы кто-нибудь не додумался отправить меня в Кащенко.

Как бы неправдоподобно это не звучало, но по ночам ко мне снова стал являться Андрей. Едва тьма опускалась на город, и все нормальные люди отправлялись спать, я укладывала детей в постели, а затем сама ложилась в кровать.

Я клала голову на подушку, накрывалась одеялом и закрывала глаза. И если я не успевала мгновенно упасть в объятия Морфея, то стоило мне снова открыть глаза, как рядом со мной оказывался он. Мой покойный супруг. Он лежал рядом в кровати и пытался привлечь меня к себе.

– Как ты здесь оказался? – спрашивала я его.

– Я же твой муж! – с вызовом отвечал Андрей. – Где же мне ещё быть, как не с тобой?

– Но ты умер! Я похоронила тебя! – отодвигаясь на край кровати, испуганно говорила я.

– А ты видела меня в гробу? – улыбаясь, отвечал муж. – Нет. Гроб был закрытым, и поэтому ты не можешь знать точно, кто там был. На самом деле меня не было в доме во время пожара. В это время я ночевал у друзей в соседней деревне. Наше застолье затянулось, и я не подозревал о пожаре. Наверное, какой-то бомж залез в дом и случайно его подпалил. И его-то вы похоронили. А со мной ничего не случилось.

– Но у сгоревшего человека было твоё обручальное кольцо! Именно по нему я тебя и опознала! А ещё обгоревший личный номер! Как эти вещи могли оказаться у бомжа?

– Он украл их у меня! – бодро отвечал Андрей. – Я выпил лишнего, возможно, уснул, и обокрасть меня ничего не стоило!

– Но почему же ты объявился только сейчас, спустя несколько месяцев? Неужели ты не знал, что мы тебя искали?

– Я же говорил: меня обокрали! Забрали всё: документы, деньги, телефон. Я не мог ни с кем связаться, чтобы попросить о помощи! И только сейчас я смог вернуться. Но теперь-то я дома и никуда от тебя не уйду. Я так соскучился по тебе и по детям! – говорил Андрей, снова пытаясь обнять меня.

– Это не твой дом! Это – съёмная квартира, в которой я живу вместе с детьми по милости твоей матери! И если тебе нужен дом, возвращайся к матери! – стараясь не упасть с края кровати, отвечала я.

– Ты – моя семья! И я никуда от тебя не уйду! – твёрдым голосом отвечал Андрей, и от этих слов меня тут же бросало в озноб.

Неужели я никогда не избавлюсь от этого человека? Что же это такое? И как могло так случиться, что в могиле моего мужа лежит какой-то посторонний человек, случайно забравшийся в дом? Что мне делать? Как быть?

И с обречённостью я позволяла мужу обнимать меня. Ад продолжался.

Но утром я поднималась с постели, понимая, что все ночные видения были лишь бредом моего воспалённого рассудка. Я радовалась, что мой муж продолжает лежать в сырой земле, кормя червей, а я могу спокойно дышать и ходить, не опасаясь увидеть его снова. Но ночью всё начиналось сначала. Муж заявлялся в мою постель, предъявляя претензии на мою свободу.

Но по мере того, как я привыкала к мысли о том, что Андрея больше нет на этом свете, постепенно возрастала моя уверенность в себе. Когда по ночам он снова появлялся передо мной, я уже больше не позволяла ему тискать меня в своих объятиях. Я кричала:

– Ты умер! Уходи прочь отсюда!

Но в ответ муж продолжал улыбаться и петь старую песню о бомже, забравшемся в дом и устроившем там пожар.

– Я знаю, это был ты! – кричала я в ответ, не позволяя мужу дотронуться до себя.

Во мне стала просыпаться агрессия, и если муж не исчезал после этих слов, я начинала подталкивать его к балкону и скидывала вниз. С двенадцатого этажа. И до утра я могла чувствовать себя спокойно, не опасаясь нежелательных визитов в свою постель.

Но Андрей продолжал приходить ко мне по ночам, хотя и стал делать это чуть реже. А я продолжала кричать на него и бить всем, что попадётся под руку, либо сталкивать его с балкона.

Так прошёл год.

Однажды сын подошёл ко мне с вопросом:

– Мама, а как звали моего папу?

– Андрей, – удивлённым голосом ответила я.

– У нас в детском саду есть мальчик с таким именем, – словно что-то вспоминая, ответил Артём.

– Сынок, неужели ты совсем не помнишь папу? – снова спросила я.

– Нет, – ответил сын и вернулся к своим игрушкам, а я задумалась.

Когда умер Андрей, Артёму было пять лет, а это не так мало. Я до сих пор отчётливо помню себя в пятилетнем возрасте, а также события тех времён. У меня даже сохранились воспоминания того времени, когда мне было только четыре года, хотя они и носят обрывочный характер. А мой сын успел забыть отца практически сразу же, как того похоронили.

Это каким же надо было быть родителем, если ребёнок не смог запомнить даже имени своего отца! Да, хотела бы я так легко забыть прошлое. Но, к сожалению, оно вьелось в мою кровь так сильно, что времени было не под силу освободить меня от тягостных воспоминаний прошлого.

Многие люди, безвременно потерявшие своих родных, утешаются мыслями о том, что соотносят свои поступки с той мерой добра и зла, которой руководствовались их близкие, и находят успокоение в том, что стараются поступать соответствующим образом.

Но я была лишена даже этого нехитрого способа моральной поддержки, потому что стоило мне в той или иной ситуации подумать о том, как бы поступил Андрей и что бы хотел именно он, то мысли о предполагаемом ответе мужа ещё больше сбивали меня с толку и расстраивали. Ведь Андрей всегда поступал так, чтобы было хорошо только ему, даже если от этого страдала вся его семья. Он всегда забирал у меня и у детей последнее. И отнюдь не потому, что он сам стоял на краю бездны, а потому, что для него не существовало никого и ничего, кроме собственных интересов и желаний. Чтобы потешить собственное самолюбие он готов был предать и подставить всех и вся. Вот каким человеком был мой муж. И у меня нет ни капли сожалений о его смерти, а есть лишь убеждённость в том, что справедливость всё-таки существует.

«Мельницы богов работают медленно, зато мелют мелко», – прочла я когда-то у Сидни Шелдона. И теперь я точно это знаю. Но только воспоминания о перенесённых унижениях и страданиях настолько глубоко ранили мою душу, что в ней почти не осталось живого места. Боль изъела меня изнутри, и я просто не могла спокойно жить дальше, не оглядываясь назад. И порой так и хотелось утонуть в этой боли, позволив ей съесть меня заживо.

Я безумно устала бороться за своё светлое будущее. И как ни парадоксально это звучало, но пока муж был жив, я не позволяла себе падать духом и продолжала биться со всем миром за право жить на этом свете. Но теперь, когда основное препятствие, не дававшее мне расправить крылья, было устранено, я вдруг почувствовала неимоверную усталость. Словно я выдохлась в этой долгой борьбе, и теперь мне уже всё было безразлично.

Каждый мой день проходил по заведённому распорядку, словно на автопилоте, и у меня не возникало желания ничего менять. Хотя, признаться, одно желание в моей душе всё же оставалось: не вставать утром с постели, а накрыться одеялом с головой и не вылезать оттуда до вечера. А ещё лучше вообще не вылезать. Никогда. Но я не могла себе этого позволить, потому что у меня росли дети, которых нужно кормить, одевать, помогать делать уроки и решать их проблемы. Поэтому каждое утро я продолжала подниматься с постели, совершенно не думая о том, что принесёт этот день, потому что мне было всё равно.

И оказалось, что так тоже можно жить. Возможно, что так живут многие. Или даже очень многие. Но только раньше мне этого было мало. Мне нужен был весь мир, чтобы чувствовать себя живой. А теперь мне стало всё равно. И я не знала даже того, как долго я смогу продержаться на автопилоте. Впрочем, даже ответ на этот вопрос меня тоже не интересовал.

Но вот однажды вечером Вера позвонила мне, чтобы сообщить очередную новость.

– Олеська, я тут такое узнала! – с ходу выпалила Вера, не пытаясь сдерживать эмоции. – Я сегодня ходила в парикмахерскую делать ламинирование. А в соседнем кресле сидела женщина, волосы красила. И она рассказала такую историю, что я чуть на кресле не подпрыгнула. Прямо твой случай, – авторитетно заявила подруга и, не дожидаясь моих комментариев, продолжила свой рассказ. – У этой женщины есть племянница, которая год назад вышла замуж.

А через некоторое время её молодой муж погиб в автомобильной аварии. А племянница так тяжело переживала эту трагедию, что даже пыталась на себя руки наложить и наглоталась таблеток, да родители вовремя «Скорую помощь» вызвали, да спасли девушку. Но после этого случая все поняли, что если бедняжке не помочь, то дело может закончиться очень плохо. Поэтому родители этой девушки через своих знакомых нашли какую-то знахарку, которая умеет варить зелье, стирающее память. Причём не всю память целиком, а выборочные фрагменты, которые человек хочет забыть. И эту девушку отправили к той самой старухе-ведунье, а сами родители быстренько взяли и выбросили все вещи, которые бы напоминали их дочери о её недолгом замужестве. И более того, они даже выкинули паспорт девушки для того, чтобы она могла получить новый, уже без штампа о браке. В итоге, их девица-красавица вернулась от знахарки совершенно спокойная и даже не заметила в квартире пропажу вещей своего погибшего мужа. А потом она получила новый паспорт и сейчас живёт весело и беззаботно, словно никакой трагедии в её молодой жизни и не было. И услышав эту историю, я подумала, – в завершении своего рассказа добавила Вера, – вот бы тебе съездить к этой шаманке и стереть память о своём непутёвом муженьке! Представляешь, ты бы тоже могла начать жить сначала! Встретила бы другого мужчину, и всё бы в твоей жизни сразу наладилось!

– К шаманке, говоришь? Ты шутишь? – горько усмехнулась я. – Ты сама-то хоть веришь в это?

– А ты к словам не придирайся! – настаивала на своём Вера. – Это слово у меня случайно вырвалось. Я предлагаю тебе съездить в гости к реальной женщине, которая с помощью разных трав, снадобий и прочей нетрадиционной медицины сможет помочь тебе забыть мужа!

– Вера, спасибо тебе за заботу, но ты же понимаешь, что это невозможно, – с грустью ответила я.

История бедной девушки, потерявшей молодого мужа и снова продолжившей жить благодаря стараниям своей любящей семьи, тронула меня чуть ли не до слёз, но это был не мой случай. В отличие от героини услышанной истории масштаб моей семейной трагедии был в тысячи раз больше. А может быть, и в миллион. И вылечить такой запущенный клинический случай не возьмётся, думаю, ни один доктор. И уж тем более, какая-то знахарка.

– Конечно же, возможно! – продолжила убеждать меня Вера. – Я у этой женщины в парикмахерской всё узнала и даже взяла телефончик родителей той девушки.

– Вера, сама подумай! – пыталась я вразумить свою инициативную подругу. – Та девушка была замужем меньше года, и у неё не было детей. И вычеркнуть из памяти несколько месяцев – это реально. Я же провела в замужестве почти половину жизни! Как прикажешь всё это забыть? Ведь даже если знахарка сумеет стереть половину жизни из моей памяти, у меня же дети! Ты хочешь, чтобы я смотрела на них и при этом не помнила о том, откуда они взялись?

– Олеся, хватит прикрываться своим пессимизмом от решения проблем! Я же говорила, что эта женщина стирает не всю память целиком, а лишь отдельные фрагменты, которые человек хочет забыть. Поэтому тебе не обязательно забывать о своём замужестве, тебе необходимо забыть лишь самые неприятные эпизоды своей семейной жизни. Это же реально, согласишься! Тогда ты забудешь о своей боли и сможешь жить дальше, – продолжала настаивать подруга.

– Да дело-то в том, что вся моя замужняя жизнь была одним неприятным эпизодом. Знаешь, порой мне кажется, что в ней не было ничего светлого. Иногда я даже специально начинаю рыться в своих воспоминаниях, чтобы найти в них что-то позитивное о своём муже просто для того, чтобы отблеск этого светлого воспоминания согрел мне сердце и придал смысл моему замужеству, но, к сожалению, ничего не нахожу. Все самые приятные эпизоды общения с Андреем закончились днём нашей свадьбы, после которой начался самый настоящий ад.

– Тем более необходимо вычистить твою память от этой грязи! – продолжала уговаривать меня Вера.

– Я не знаю, – неопределённо ответила я, пытаюсь осмыслить услышанное.

– Зато я знаю, – уверенным тоном заявила Вера. – В общем, ты подумай, а я всё разузнаю подробнее. Свяжусь с родителями той девушки и поговорю с ними. Выясню, где живёт эта удивительная женщина, владеющая искусством освобождать память других людей от неприятных воспоминаний, и всё остальное. А ты собирайся с духом, потому что я не позволю тебе и дальше прятаться от жизни в своей скорлупе. Как только соберу всю необходимую информацию, приеду к тебе, возьму за шиворот и повезу к шаманке, к колдунье, к знахарке, к кому угодно, лишь бы мне вернули мою лучшую подругу!

После этого Вера положила телефонную трубку, а подумала о том, как же мне повезло, что у меня всё ещё есть такая подруга, которая не позволяет упадническим настроениям окончательно извести меня. Энтузиазм Веры всегда был настолько заразительным, что на какое-то время я действительно поверила в чудодейственные способности таинственной кудесницы, способной исцелить мою раненую душу. И в тот день я легла спать с лёгким сердцем и с верой в чудо, которое возможно когда-либо случится.

И хотя уже утром все мои сладкие фантазии о поездке в далёкий край к могучей знахарке превратились лишь в скромные воспоминания да сожаления, я была рада уже тому, что они всё же были в моей душе.

Однако Вера зря времени не теряла, потому что следующим вечером она снова позвонила мне, чтобы сообщить очередные новости.

– Олеся, я всё выведала, так что можешь договариваться со своим начальством об отгуле на следующий понедельник, – с ходу огорошила Вера, едва услышала моё мычание в телефонной трубке.

– Верунь, какой отгул? Ты вообще о чём сейчас говоришь? – стала допытываться я у подруги.

– Олеська, ты что же, успела забыть наш вчерашний разговор? – слегка возмутилась Вера. – Так я тебе напомним. Вчера я рассказывала тебе о знахарке, которая с помощью снадобий избавляет людей от плохих воспоминаний. И сегодня я выяснила, где она живёт и как туда добраться. Поедем с тобой на Север. Сначала самолётом до Мурманска, а там уже местным транспортом до нужной деревни. Километров двести придётся ехать, ну да это не проблема. Правда, за пару выходных дней мы туда и обратно не обернёмся. Не успеем. Поэтому тебе нужно будет взять отгул на понедельник. А со своим начальством я договорилась. Не волнуйся, я поеду с тобой. Одну тебя не брошу.

– А детей-то я куда дену? – спросила я, поражённая тем, как быстро и складно Вера всё спланировала.

– За ними Наташа приглядит, – тут же ответила подруга, словно и этот вопрос она продумала.

Наташа – это двадцатилетняя дочь Веры. В этом вопросе подруга перещеголяла даже меня. Она вышла замуж в ещё более юном возрасте и сразу же обзавелась потомством.

– Верунь, я не могу, – попыталась я дать задний ход, видя, что подруга решила взять меня в оборот. – Дела так просто не делаются. Нужно сначала всё распланировать, связаться со знахаркой, чтобы договориться о встрече, потом купить билеты. К тому же необходимо позаботиться о ночлеге. Вряд ли в том месте, где живёт знахарка, есть гостиница. И вообще, мне нужно морально подготовиться к поездке, и недели для этого мало.

– Морально готовиться тебе не нужно, потому что ты уже давно к этому готова, – требовательным тоном заявила Вера. – А насчёт остальных действий можешь не беспокоиться. Всю организацию поездки я возьму на себя. Тебе нужно будет лишь собрать сумку в дорогу. Или можешь её совсем не собирать, потому что ещё одну зубную щётку выделить тебе я смогу. Твоё дело лишь предупредить руководство о своём отсутствии в понедельник. Или я сама могу позвонить твоему боссу и всё объяснить, если захочешь.

– Не надо. С начальством я уж сама как-нибудь поговорю. Только вот не знаю, что лучше сказать.

– Сошлись на семейные проблемы. К тому же это – чистая правда.

– Ладно, попробую. Только сомневаюсь, что из этой сумасбродной затеи может выйти толк.

– А ты не сомневайся! – бодро ответила Вера. – К тому же, что ты теряешь? Даже в случае неудачи мы просто с тобой весело проведем время вдвоём. Поболтаем, посплетничаем.

– Да, в любом случае, надеюсь, это будет просто интересная поездка в новые места.

– Да, – ответила Вера. – Будем изучать северные просторы нашей страны.

И я стала готовиться к поездке в неизвестный край к таинственной знахарке, чтобы отвезти её чудодейственное снадобье, способное излечить меня от болезненных воспоминаний прошлого.

На удивление все мои приготовления к поездке прошли очень гладко, словно сама судьба подталкивала меня к этому. Начальница без проблем отпустила меня в отгул, а дети согласились провести несколько дней под присмотром Наташи – дочери Веры.

Я собрала небольшой дорожный чемоданчик, в который сложила только самые необходимые вещи, а подруга позаботилась о билетах и об остальных организационных вопросах. И в итоге, не успевая и глазом моргнуть, как оказалась на борту самолёта, летящего в далёкий северный город, где летом царствуют белые ночи, а зимой на небе искрится зарево северного сияния.

Всю дорогу Вера подробно рассказывала мне, как хорошо она всё распланировала, и как удачно у нас всё складывается, видимо, желая развеять мои сомнения по поводу успеха нашего предприятия. Но я почти не слушала её, пребывая в собственных мыслях. Признаться, я совершенно не сомневалась в том, что идея посещения знахарки является абсолютно бесперспективной затеей, потому что давно перестала верить в чудеса.

Через несколько часов мы прилетели в Мурманск и вышли из аэропорта. Вера оставила меня следить за вещами, а сама побежала искать нужный транспорт.

На дворе было начало июня, но находясь здесь, складывалось ощущение, словно на календаре март. Дул холодный ветер, а температура воздуха была, пожалуй, не выше восьми градусов по Цельсию.

Я зябко поёжилась, вспоминая тёплую Москву, но в то же время бодрящая прохлада живо привела меня в чувство, избавив от грустных мыслей. Меня уже не волновало прошлое, не страшило будущее. Я думала лишь о том, как бы поскорее нырнуть в тёплый автобус или в какой-нибудь другой вид транспорта, крепкие стены которого смогут защитить от пронизывающего ветра и согреть моё брренное тело. И к тому моменту, когда Вера вернулась ко мне, я уже начала дрожать крупной дрожью.

– Олеся, я всё выяснила, – не скрывая энтузиазма, сказала подруга, которая, казалось, лишь разгорячилась от своих поисков. – Автобус до нужного нам места будет лишь через четыре часа, но я нашла такси, и наша дорога займёт не больше двух часов.

– Это, наверное, дорого, – лязгая зубами, произнесла я.

– В нашей с тобой ситуации время дороже денег, – уверенно произнесла Вера, подхватывая свой чемодан. – Пошли за мной!

Взявшись за ручку своего чемодана, я покатила его вслед за подругой, которая быстрым шагом повела меня к стоянке такси.

Заметив какой-то автомобиль, Вера помахала водителю рукой, и тот подъехал к нам.

С водительского кресла поднялся небритый мужчина лет пятидесяти, который помог убрать наши чемоданчики в багажное отделение, после чего мы с подругой разместились на

заднем сидении машины, а водитель вернулся на своё место и, нажав педаль газа, повёз нас к цели нашего путешествия.

Едва мы сели в автомобиль, как Вера достала свой смартфон и начала что-то шустро искать в Интернете. Я же предпочла не тратить время на блуждание в сети Всемирной паутины, а стала смотреть в окно, желая получше рассмотреть местность, в которой мы оказались.

Небо было безупречно синим. Здесь не было высоченных громадин вековых деревьев, стоящих стеной вдоль дороги, как это часто можно увидеть в средней полосе нашей страны. Местные деревья были более хилыми и невысокими, что только подтверждало факт того, что мы приехали на север.

Я смотрела вдаль, не думая ни о чём, и постепенно задремала, а проснулась от того, что Вера тихонько толкала меня в бок:

– Олеся, просыпайся! Мы приехали!

Я открыла глаза и в первую секунду не поняла, где нахожусь. Верино лицо я, конечно же, узнала, но окружающая обстановка была мне незнакома, и я даже подумала, что продолжаю спать и начала часто-часто моргать, чтобы окончательно проснуться.

– Мы приехали! Давай, выходи! – повторила Вера, подгоняя меня, и я послушно повиновалась, потому что была ещё не в состоянии соображать и принимать самостоятельные решения.

А тем временем водитель вытащил наши чемоданы из багажника, получил плату за проезд, попрощался и уехал, оставив нас с Верой стоять посередине улицы какого-то посёлка.

– Мы вообще где? – спросила я подругу.

– Где надо! – важно ответила Вера и достала из кармана куртки маленький листок бумажки с адресом.

– Нам нужна улица Поперечная, дом 23, – сообщила она мне.

– Здорово, – ответила я. – Может, пойдём по навигатору?

– Идея, конечно, неплохая. Но только вот в её реализации имеются небольшие проблемы, – с горькой иронией сказала Вера. – Здесь нет Интернета!

– Как нет Интернета? – удивилась я. – А мобильная связь хотя бы есть?

– И связи нет, – добавила Вера, покрутив перед моим лицом экраном своего смартфона, на котором все значки были перечёркнуты.

– Отличное начало нашей экспедиции! – иронично заявила я, не зная, что делать в этой ситуации.

– Не бойсь! Где наша не пропадала! – ответила Вера, выдвигая ручку своего чемодана.

Я сделала тоже самое, полностью доверившись чутью своей подруги. И мы пошли вперёд, надеясь отыскать ту самую улицу с незатейливым названием, которая и была целью наших поисков.

– А, может, сначала поищем гостиницу? – предложила я. – Оставим там чемоданы, сходим в душ, а заодно и спросим про эту улицу.

– Мне очень не хочется тебя разочаровывать, – ответила Вера. – Но, думаю, что ночевать нам придётся не в гостинице.

– А где? В хостеле или в Доме колхозника?

– Полагаю, что на ближайшие пятьдесят километров мы не найдём ни одного хостела и даже Дома колхозника, – продолжала разочаровывать меня Вера.

– Ну знаешь ли! Я, конечно же, не против ночевать под открытым небом, – возмутилась я. – Но только когда тепло и сухо, а не в этом морозильнике! Ты хотя бы узнала о ночлеге, когда приглашала меня в эту поездку?

– Не волнуйся! Думаю, нам не придётся проводить ночь, считая на небе звёзды, – спокойным голосом ответила Вера. – Та женщина, к которой мы идём, за отдельную плату предоставит нам ночлег. Хотя вполне вероятно, что спать нам в ближайшую ночь не придётся.

– Знаешь, такая перспектива мне совсем не нравится! – недовольным голосом сказала я. – Прошлую ночь я и так почти не спала, да ещё и жутко устала от перелёта.

– Кто бы жаловался! – начала подтрунивать надо мной Вера. – Кто только что дрых в машине целых два часа?

– Да я только глаза чуть прикрыла, чтобы не укачало!

– Ага! – усмехнулась Вера. – А заодно и включила храп для пушей конспирации!

– Я никогда не храплю! – возмутилась я незаслуженными обвинениями.

– А я и не утверждала о том, что ты тархтела как трактор. Так, слегка посапывала!

– Да я не..., – продолжила я оправдываться, но закончить фразу не успела, так как споткнулась о булыжник, лежащий на обочине дороге.

Распалившись в разговоре, я перестала следить за дорогой, которая, к слову сказать, была отвратительной, и чуть не грохнулась носом в землю. И если бы Вера вовремя не подхватила меня под локоть, то я наверняка бы расквасила себе лицо.

– Спасибо, – только и сказала я, не глядя в глаза подруге.

– Не за что, – ответила она. – И мне снова не хочется тебя разочаровывать, но у нас возникла новая проблема.

– Что ещё? – недоверчиво пробурчала я.

– А то, что мы прошли уже метров сто, но не на одном из домов не увидели не только названия улицы, но и номера дома.

И чтобы убедиться в правдивости слов Веры, я тоже окинула взглядом близлежащие дома, потому что до этого момента я шла просто на автопилоте, следуя направлению, которое указывала мне подруга, а не собственные глаза.

Ни на одном из домов, действительно, не было ни одной таблички, которая бы позволила идентифицировать его местоположение.

– Одни приятные новости! – сыронизировала я, не решаясь в открытую упрекнуть подругу в том, что она притащила меня на край света, даже не зная точных координат пункта нашего назначения.

Да и вся история с ворожкой и последующей чисткой памяти казалась мне чистой воды шарлатанством, на которое не стоило тратить ни времени, ни денег. И уж, конечно, не стоило позволять подруге манипулировать собой и увлекать в эту непонятную авантюру. О чём я только думала? Да не о чём. В последнее время я вообще ни о чём не думаю, плывя исключительно по течению. Именно поэтому я и оказалась здесь, потому что позволила подруге влезть в мою голову и заполнить её бредовыми идеями, не имеющими ничего общего с реальной жизнью. А реальность же была такова, что сейчас мы стояли в неизвестном месте где-то на краю земли, и понятия не имели, куда идти и что делать дальше.

– Расслабься, – спокойным тоном проговорила Вера, словно все эти факты совершенно не имели для неё никакого значения. – В двадцати метрах от нас находится магазин, и я уверена, что местные продавщицы смогут рассказать во всех подробностях наш предстоящий маршрут и дать нам полную информацию по всем остальным вопросам. Выше нос! – добавила Вера и бодро покатила свой чемодан дальше.

И мне ничего не оставалось делать, как уныло плестись за ней. А вскоре мы зашли в местный магазинчик, который представлял собой одновременно и бакалейную лавку, и промтовары, и продуктовый супермаркет.

Вера подошла продавщице, которой оказалась полная женщина лет сорока.

– Девушка, – непринуждённо обратилась к ней Вера. – Не могли бы Вы нам помочь и подсказать кое-что?

– Хлеб свежий, – автоматически ответила продавщица, не дослушав окончания вопроса. – Утром привезли.

– Это очень хорошо, – согласилась Вера. – Но я хотела бы спросить у Вас не это.

– Колбаса тоже свежая, – снова сообщила продавщица, предупреждая любые вопросы о свежести продуктов в магазине.

– Это тоже очень отрядный факт, – подтвердила Вера. – Но меня интересуют не продукты, а один адрес.

На лице у продавщицы отразилось недоумение.

– Какой адрес?

– Мне нужна улица Поперечная, – сказала Вера. – Как к ней можно пройти?

– Щас соображу, – произнесла продавщица и подняла глаза к потолку, запуская мыслительный процесс в своей голове. – Эта улица Широкая, а следующая – Садовая. Так. Поперечная должно быть идёт за ней, – рассуждала вслух продавщица.

Затем она снова посмотрела на нас с Верой и сказала:

– Дойдёте до конца этой улицы и свернёте направо и пойдёте до поворота налево. Там ещё раз свернёте и выйдете на улицу Поперечную.

– Огромное спасибо! Вы так нам помогли, – обрадовалась Вера. – А есть на той улице какой-нибудь ориентир, чтобы мы не заблудились?

– Какой ещё ориентир? – удивилась продавщица.

– Ну, например, местный дом культуры или баня, – начала перечислять Вера.

– Дом культуры у нас в другой стороне, а баня закрылась уже лет двадцать назад, – поведала местные новости продавщица.

– Это понятно, – вежливо ответила Вера, всё ещё пытаясь донести свою мысль до недалёкой продавщицы. – А на Поперечной улице есть какое-нибудь необычное здание или, может быть, имеется мемориальная доска?

– Вряд ли, – ответила продавщица, покачав головой.

Продолжать дальнейшие расспросы было бессмысленно, поэтому я тихонько дёрнула подругу за рукав.

– Пойдём отсюда! – шепнула я ей на ухо. – Там сами разберёмся!

– Да, только купим водички на дорогу, – сказала Вера, попросив у продавщицы бутылку минеральной воды.

Затем мы вышли из магазина и побрели в указанном нам направлении.

Мы честно дошли до конца этой улицы, затем свернули направо и прошли ещё метров сто пятьдесят до поворота налево. И уже там свернули и пошли по дороге, ведущей по склону вниз.

Мы старательно рассматривали каждый дом, надеясь разглядеть его номер, но, как и прежде, нигде не было никакого указания на название улицы или на номер дома.

Тогда мы стали считать дома, чтобы отыскать двадцать третий, если, конечно, отсчёт следовало производить с той стороны, с которой мы шли. Но к нашему величайшему сожалению, наш подсчёт закончился на цифре 22. Дальше шла пустошь. И лишь вдалеке виднелся небольшой лесок.

– Что будем делать? – спросила я подругу.

– Продолжать искать! – бодро ответила Вера и направилась к одному из домов.

Нимало не тушуясь, она открыла калитку, зашла во двор и подошла к дому. А затем постучала в дверь.

Я же не решилась последовать за ней, оставшись стоять с чемоданами на дороге.

Вскоре дверь открыла пожилая женщина, и Вера стала её расспрашивать о дальнейшем направлении нашего пути, а в ответ женщина стала куда-то показывать рукой. Слова их разговора не были мне слышны, но я к этому и не стремилась, так как знала, что буквально через пару минут всё узнаю. И действительно, когда Вера попрощалась с женщиной и подошла ко мне, то начала во всех подробностях пересказывать свой разговор.

– Мне снова не хочется тебя расстраивать, но придётся пройти ещё некоторое расстояние, – сообщила подруга. – Про местную знахарку здесь все знают, но её дом стоит отдельно от остальных, и до него ещё идти и идти.

– Интересно, – удивилась я. – А адрес её совершенно не отличается уникальностью.

– Ну, видимо, здесь решили, что не стоит придумывать для одного дома отдельную улицу, и просто указали ту, которая располагается ближе всего к дому этой женщины, – резонно заключила Вера. – В общем, нам нужно пройти через ту пустошь, которая начинается в конце дороги, а затем зайти в лесок.

– Где нас съедят злые волки, – отпустила я новую шутку.

– Надеюсь, что нет, – возразила мне Вера. – Если бы там было по-настоящему опасно, то вряд ли бы эта женщина жила так далеко, тем более в одиночестве.

– А, может, ну её, эту колдунью? А? Поедем домой! – в отчаянии предложила я. – А чтобы наша поездка не оказалась напрасной, можем завтра совершить небольшую экскурсию по Мурманску. Наделаем селфи, выложим в Инстаграме, пусть все увидят, какие мы крутые путешественницы!

– Мне нравится ход твоих мыслей, – ободряющим тоном проговорила Вера. – И если у нас останется хотя бы пара часов свободного времени, то мы непременно прогуляемся по Мурманску и устроим небольшую фотосессию на зависть всем остальным. Но сейчас нам нужно найти этот несчастный дом по адресу: Поперечная, 23, и пообщаться с той таинственной ворожеей, о которой я так много слышала.

После этого Вера снова двинулась в путь. Я нехотя пошла следом.

Мы шли по мягкой болотистой почве, и мои ботинки намокли буквально после двух шагов. Туфли Веры так же потеряли свой презентабельный вид. Но она продолжала идти с таким видом, словно шла по подиуму, нисколько не смущаясь трудностей пути.

К тому же нам пришлось взять свои чемоданы в руки, так как вести их по этой земле дальше не было никакой возможности.

Признаться, я даже подумала о том, что если сейчас провалюсь в трясины, то это будет наилучшим выходом из всей ситуации, в которую впихнула меня жизнь. И я даже ускорила шаг, отчего стала проваливаться ещё глубже в землю, но это только обнадежило меня, придав новых сил.

– Ого! Кто-то, наконец, проснулся! – заметив мой энтузиазм, отметила Вера.

И я не стала разубеждать подругу, рассказывая ей об истинных причинах своей бодрости.

И вот, наконец, трудный участок пути закончился, и мы благополучно ступили на твёрдую почву, что очень разочаровало меня, так как означало, что мои мучения продолжаются. Мы зашли в лесок и сразу же увидели утоптанную тропинку.

– Значит, мы не ошиблись с направлением, – отметила Вера и, потопав ногами, чтобы стряхнуть грязь, прилипшую к туфлям, двинулась дальше.

Я поступила также. А вскоре мы увидели низенькую деревянную избушку с крышей в форме пирамиды, с низкой двухстворчатой дверью и без окон. И глядя на это сооружение, сложно было поверить, что здесь кто-то живёт. И сначала я подумала, что перед нами всего лишь заброшенная лесная хижина, потому что её хозяин давно уже переехал в более благоустроенное жилище. Но сердце подсказывало, что это не так. Мы всё же добрались до конечной цели нашего путешествия, после завершения которого меня ждала другая жизнь. И вопрос состоял лишь в том, нужна ли она мне?

А тем временем Вера смело подошла к входной двери и громко постучала в неё. Я же снова замерла от дурных предчувствий, поэтому стояла, боясь шевельнуться. Но на стук никто не откликнулся. Тогда Вера слегка надавила на дверь, и в ту же секунду она с жутким скрипом немного приоткрылась, но тут же захлопнулась обратно.

Я чуть не подпрыгнула на месте. Думаю, Вера тоже вряд ли смогла сохранить хладнокровие, потому что она тут же повернула голову и, словно ища поддержки, посмотрела на меня. И если бы раньше я просто схватила бы Веру за руку и потащила прочь от этого места, то сейчас, наоборот, во мне проснулась необъяснимая бравада. Я с лёгкостью готова была рискнуть своей жизнью ради того, чтобы быстро и, по возможности, безболезненно погибнуть героической смертью, тем самым завершив свой тяжёлый жизненный путь и прекратив бесконечные страдания, которые выпали на мою долю.

Поэтому я перестала прятаться за спину Веры. Наоборот, я велела подруге отойти в сторону, а сама уверенным шагом подошла к двери, приоткрыла её и быстро зашла внутрь, надеясь тут же попасть в лапы маньяка-убийцы или хищного зверя, который без малейших угрызений совести растерзает мою бrenную плоть своими острыми зубами.

Я полагала, что окажусь в коридоре, но сразу же попала в просторное помещение, в котором царил полумрак. В центре комнаты из камней был выложен очаг, в котором едва теплился огонь. И я даже разглядела маленькое окно, располагавшееся на противоположной стороне дома, и которое мы не заметили снаружи. Да только толку от него было мало, потому что свет практически не проникал в эту хижину. Лишь дым от очага тоненькой струйкой поднимался к потолку и выходил наружу через отверстие в центре крыши, которую изнутри подпирало несколько деревянных столбов.

Подслеповато я начала осматриваться вокруг, мысленно приготовившись к тому, что в любую секунду меня могут схватить и растерзать неведомые твари. Но вместо этого позади себя я слышала тихие шаги и обернулась.

К моему величайшему изумлению и разочарованию, это был не маньяк-убийца и даже не бурый мишка, а Вера, которая шла следом за мной.

– Почему ты не осталась снаружи? – укоризненно спросила я её.

– С какой это стати? – полушёпотом произнесла Вера. – Я притащила тебя сюда не для того, чтобы бросать одну посреди дремучего леса.

– А было бы неплохо, – съязвила я.

– Иногда ты несёшь такую чушь, что я даже не знаю, как реагировать на твои слова: то ли рассмеяться, то ли врезать тебе.

Ответить я не успела, потому что в тот же миг раздался какой-то посторонний звук, что я снова подпрыгнула. И даже моя храбрая подруга замерла на месте.

Мы абсолютно не поняли, что случилось, но автоматически взяли за руки и испуганно посмотрели друг на друга, но обернуться не решились.

Кто-то приближался к нам, но в полутьме мы не могли видеть этого человека. Если, конечно, это был человек, а не зверь.

Мои колени дрожали, но я заставляла себя не двигаться с места, чтобы достойно встретить свою судьбу. И долго находиться в неведении мне не пришлось. Прямо из темноты к нам очень медленно приближалась женщина, чей возраст невозможно было определить на вид. Ей с одинаковым успехом могло быть двадцать восемь лет, а могло быть все девяносто. На голове у неё был какой-то непонятный головной убор: то ли шапка, то ли платок. Одетая женщина была в длинную суконную рубаху, перевязанную поясом. Но самым пугающим элементом её облика были воспалённые глаза, которыми она грозно смотрела на нас. Она была похожа на йети, и в то же время я бы не удивилась, если бы узнала, что эта женщина великолепно владеет оружием или компьютером, а также другими средствами технического прогресса, недоступными большинству жителей глубинки. В её взгляде чувствовались одновременно и неимоверная усталость и недюжинная сила человека, привыкшего в одиночку справляться со всеми жизненными трудностями.

– Здравствуйте! – шустро взяла слово Вера, к которой быстрее, чем ко мне, вернулся дар речи. – Мы приехали к Вам за помощью.

– Чего надо? – глухим голосом произнесла женщина, продолжая настороженно оглядывать нас.

– Вы помогли одной моей знакомой забыть о гибели её мужа, – бодро отрапортовала Вера, приписав себе знакомство с несчастной девушкой, о судьбе которой она услышала в парикмахерской.

После этого Вера внимательно посмотрела на хозяйку дома, надеясь, что дальнейших объяснений не потребуется. Но женщина не торопилась раскрывать свои карты перед незнакомцами. Тогда Вера продолжила.

– У моей подруги тоже недавно умер муж, – сообщила Вера, кивая в мою сторону.

– Все когда-нибудь умирают, – резонно сообщила женщина, свирепо глядя на меня.

– Но это была страшная трагедия, – продолжила свою речь Вера. – На даче, где отдыхал муж моей подруги, произошёл ужасный пожар, и бедняга сгорел заживо.

– Не всем удаётся умереть в собственной постели, – мрачно заявила женщина, всё ещё недоверчиво глядя на нас.

– Но у моей подруги разбито сердце, она не знает, как жить дальше, – развивала свою мысль Вера.

– А подруга немая? – неожиданно проговорила хозяйка дома, приближаясь ко мне.

Она подошла так близко, что я ощутила на своей коже её дыхание.

– Ты любила своего мужа? – внезапно спросила она, обращаясь ко мне.

И хотя меня так и подмывало сказать «да», чтобы не разрушать легенду, придуманную Верой, я не смогла соврать.

– Нет, я не любила мужа. И я рада, что он умер, – каменным голосом ответила я, и тут же услышала, как Вера цыкнула на меня.

– Моя подруга до сих пор пребывает в шоке и сама не понимает, что говорит, – вмешалась она в мою речь.

– Зачем ты хочешь забыть о своём муже? – угрюмо проговорила женщина, не отводя от меня пристального взгляда и словно не замечая попыток Веры перебить меня.

– Потому что он восемнадцать лет измывался надо мной, – перестав сдерживаться, заговорила я. – Он обращался со мной хуже, чем со скотиной, заставляя ненавидеть саму себя и эту жизнь.

– Так почему ты не ушла от него? – спросила женщина.

– Мне некуда было идти, – обречённо произнесла я и опустила взгляд.

– А сейчас тебе есть куда идти?

– Да, – кивнула головой я. – Мне есть, где жить, да только вот жить совсем не хочется.

– Вы даже не представляете себе масштаб трагедии этой девушки, – снова вступила в разговор Вера.

– Представляю, – глубокомысленно сказала женщина, отходя от меня. – Иначе бы вас здесь не было.

Затем она отошла в сторону и подошла к противоположной стене дома, где на деревянных полках в несколько рядов стояла различная домашняя утварь.

– Лучше бы ты помалкивала! – укоризненно шепнула мне на ухо Вера. – Дала бы мне возможность всё объяснить, и сейчас бы уже твоя память была как у младенца. А так, боюсь, нам придётся уходить отсюда несолоно хлебавши.

И только я хотела ответить, что привыкла к вечным обломам, и, вообще, рассчитывать на что-то хорошее в этой жизни мне не приходится, как в нашу сторону снова направилась хозяйка дома. В руках она держала большую глиняную чашу, напоминавшую пиалу.

– Ночь будет долгой, – сказала женщина. – Поставьте свои чемоданы в угол и располагайтесь, – добавила она, ставя чашу на пол рядом с очагом.

Повинуясь указаниям, мы с Верой начали оглядывать шаманское жилище, чтобы определить, куда пристроить свои вещи.

С правой стороны от входа вдоль стены стояла деревянная скамья, где можно было присесть, а за ней, тоже вдоль стены, стояла простенькая деревянная кровать, на которой лежала шкура оленя. Ни шкафов, ни кухни здесь не было. Вся кухонная утварь, а также другие вещи лежали на полках, закреплённых практически по всему периметру стен. На полу стояла кадка с водой и несколько деревянных срубов, которые, по-видимому, заменяли собой табуретки.

Найдя небольшое пространство рядом со скамьёй, мы с Верой поставили там свои чемоданы. Затем мы сняли свои куртки и положили их на скамью.

А ведунья продолжала стоять у очага и, не отводя взгляда, смотрела на огонь внутри него.

– Деньги-то есть? – спросила она, не глядя в нашу сторону.

– Конечно, есть! – метнулась к ней Вера, на ходу доставая кошелек из сумочки. – Сколько? – спросила она, начав отсчитывать купюры.

– Сколько не жалко, – ответила женщина. – Ты ведь не мне одолжение делаешь, а себе.

Тогда Вера вынула из кошелька все наличные деньги, и я заметила, что там было немало, и хотела остановить подругу, чтобы самой расплатиться со знахаркой, но Вера не позволила мне сделать это.

– Вот, возьмите! – сказала она, протягивая деньги женщине.

– Брось-ка их туда! – проговорила ведунья, показывая рукой в сторону очага.

Я подумала, что это – часть колдовского обряда. Так же, думаю, решила и Вера, потому что она подошла к очагу и положила деньги на камни.

– Нет, не сюда! – поправила её женщина и, схватив за руку, потянула прямо к открытому огню. – Бросай сюда! – показала она Вере.

В замешательстве подруга посмотрела на меня. Но и я растерялась. Тогда Вера просительно посмотрела на шаманку, чтобы убедиться, что правильно поняла её слова. Но та посмотрела на Веру так, словно проверяла на прочность нашу решимость следовать её советам. И в ту секунду я подумала о том, что если рука Веры дрогнет, то вся наша поездка пойдёт коту под хвост. И я метнулась к подруге, чтобы сказать это, но, вероятно, Вера подумала обратное, решив, что я передумала и хочу остановить её, и потому схватила деньги и тут же бросила их в огонь. И в ту же секунду в глазах шаманки появилось ноты одобрения. Но она ничего нам не сказала, лишь ещё сильнее разожгла огонь в очаге, после чего отошла в сторону и начала что-то доставать из своих закровов. А мы с Верой продолжали стоять на месте, перетаптываясь с ноги на ногу и растерянно поглядывая друг на друга.

– Я сейчас чувствую себя как в сказке «Гензель и Гретель», – сказала я, заворожённо глядя на огонь. – Только вот пряников нам с тобой никто не предлагает.

– Ты предлагаешь сбежать, пока не поздно? – грустно улыбаясь, проговорила Вера, обводя глазами нехитрую обстановку жилища таинственной кудесницы, в царстве которой мы оказались.

Вместо ответа я пожала плечами.

– Если хочешь, можешь уйти, – сказала я. – А мне, знаешь ли, терять нечего.

– О, как ты заговорила! – удивилась Вера. – То силком тащить тебя на себе приходится, а то вдруг взъерепенилась так, что перья летят! Никуда я без тебя не пойду! Не для того мы с тобой пролетели полторы тысячи километров, чтобы в решающий момент позволить страху всё испортить! Сказано нам было: «Ночь будет долгой». Так что пойдём, присядем и будем ждать продолжения.

И мы снова вернулись к скамье и сели на неё.

Собственно, нам пришлось это сделать, так как стоять в полный рост в этом доме можно было только у очага. Так как крыша была покатой, у стен потолок был гораздо ниже.

А тем временем таинственная знахарка принесла котёл, налила в него из кадки воды и поставила на огонь. А когда вода закипела, женщина начала бросать в кипяток различные травы да корешки, параллельно что-то напевая. Правда, я не могла понять ни слова из её пения. Вероятно, она пела на каком-то наречии, которого я не знала, и потому я даже не пыталась вслушиваться в слова.

Затем шаманка отошла от очага и подошла к противоположной стене комнаты. И там, с полки, она взяла маленькую бутылочку с жидкостью тёмного цвета. И эту самую жидкость она потом вылила в котёл. И через секунду мой нос уловил такой жуткий запах, что у меня чуть не закружилась голова. Но вскоре запах выветрился, или, быть может, я успела к нему привыкнуть, но неприятные ощущения прошли, и меня даже потянуло в сон. А знахарка продолжала тихонько напевать, и под эти звуки я задремала. Но моё забытие было недолгим, потому что едва женщина бросила в своё варево новый ингредиент, как внезапная огненная вспышка осветила комнату.

Я вздрогнула и очнулась, но страха не было. Я попыталась снова погрузиться в спасительную дремоту, потому что в ней было так уютно, что не хотелось выбираться оттуда. Но тут странная кудесница повернулась ко мне и сказала:

– Подойди сюда!

Я повиновалась.

– Если хочешь избавиться от своих воспоминаний, тебе предстоит тяжёлая работа, – продолжила говорить знахарка. – Тебе потребуется пройти через боль и страдания. Готова ли ты?

– Да, – кивнула я, ещё не полностью очнувшись от своей дремоты.

Я подумала, что знахарка говорит о неприятных ощущениях в желудке, которые последуют после принятия её варева.

– Прежде чем сделать глоток, тебе нужно будет оживить в своей памяти то, что ты хотела бы забыть. Оживить в мельчайших деталях, оживить настолько, как если бы ты заново пережила каждый свой день. И лишь когда твоё прошлое снова оживёт, делай большой глоток моего напитка, и в тот же миг воспоминание исчезнет навсегда из твоей памяти. Только так ты сможешь избавиться от боли своего прошлого и забыть то, что хочешь позабыть.

– О-о! – растерянно произнесла я и посмотрела на Веру.

Подобный поворот событий мне совсем не нравился. Отправляясь в эту авантюрную поездку, я надеялась, что получу здесь что-то вроде психотропных препаратов, только натурального происхождения. И эти самые препараты просто притупят моё восприятие действительности, а также излишнюю мозговую активность, и у меня просто не будет желания копаться в своём прошлом. А тут мне предлагали по новой пережить то, что причиняло мне такую сердечную боль, что я готова была отказаться от всей затеи, лишь бы не терзать своё бедное сердце ещё больше.

Видимо, Вера догадалась о моих сомнениях, потому что подскочила со скамьи и подбежала ко мне.

– Хочешь сказать, ты этого не знала? – укоризненно обратилась я к ней.

– Можешь не верить, но о подробностях церемонии мне не сообщили, – виновато ответила Вера. – И если бы я знала, через что нужно будет тебе пройти, то можешь не сомневаться, ни за что бы не притащила тебя сюда! Лучше бы нашла для тебя самого деликатного психотерапевта и отправила к нему. А сейчас я даже не знаю, что делать.

– А я знаю, – обречённо произнесла я. – Идти до конца. Раз уж мы зашли с тобой так далеко, глупо сдаваться на полпути. Начнём потихоньку, а там будь, что будет. Остановиться и пойти на попятную я всегда успею.

– Вот и хорошо! – обрадованным тоном заявила Вера, обнимая меня за плечи.

Потом она вернулась на своё место в углу комнаты, а я сказала знахарке:

– Я готова!

Та лишь кивнула головой. Затем она усадила меня за пенёк, стоящий ближе всего к очагу, переливая своё варево из котла в глиняную чашу и протянула её мне со словами:

– Можешь начинать, а я буду помогать тебе.

После этого женщина отошла в другой угол комнаты, села на кровать, покрытую оленьей шкурой, и закрыла глаза. Я даже подумала, что она уснула, но в следующую секунду она снова начала что-то напевать, почти не раскрывая губ, и это пение так умиротворяюще действовало на меня, что я почти погрузилась в транс, а мои мысли унеслись на много лет назад в день, когда я только познакомилась со своим мужем.

Как и я, Андрей тоже был студентом и учился в Юридической Академии на заочном отделении. Только в другой группе. В блатной, где учились близкие родственники или очень хорошие знакомые сотрудников и преподавателей нашего учебного заведения. Но тогда я этого не знала. Я лишь видела, что какой-то парень, увидев меня, постоянно замирает, словно хочет что-то сказать, но не решается.

Признаться, я не очень наблюдательный человек, и редко замечаю даже то, что является очевидным. Поэтому когда какой-то молодой человек поглядывает на меня, надеясь на знакомство или даже на что-то большее, то я не обращаю на такие вещи внимания. Но здесь я не могла не заметить парня, который был просто удивительно похож на моего двоюродного брата Аркадия. Причём Аркадий был не просто одним из моих родственников, которых у меня превеликое множество. Для всех нас Аркадий являлся, так сказать, признанным авторитетом, чей образ жизни был примером для всех, а его мнение по какому-либо вопросу считалось истиной в последней инстанции.

Аркадий был военным в звании майора, что придавало вес всем его словам и действиям. Он долгое время жил в Германии и был, пожалуй, самым умным и эрудированным человеком среди всей нашей родни, и я несказанно поразились, заметив в коридорах своего учебного заведения молодого человека, как две капли воды похожего на своего двоюродного брата.

В первую секунду я даже подумала, что это Аркадий по каким-то своим важным делам приехал в Юридическую Академию. Я смотрела во все глаза и не могла поверить тому, что видела. Но затем, приглядевшись внимательнее, я стала замечать различия между своим двоюродным братом и незнакомым молодым человеком. И первым отличием, конечно же, была разница в возрасте, ведь Аркадию было уже за тридцать, а незнакомому мне парню чуть за двадцать, хотя он выглядел очень солидно для своего возраста, что, собственно, и ввело меня в заблуждение.

А потом рост. У Аркадия рост составлял метр девяносто, а у незнакомоего молодого человека не больше ста семидесяти пяти. А в остальном различий почти не наблюдалось. Оба статные, с правильными чертами лица, с чёрными усами, карими глазами и смуглой кожей. И было неудивительно, что я ошиблась, спутав между собой этих молодых людей.

И поскольку я всегда придерживаюсь принципа, что мечты должны сбываться, и у каждого должен быть шанс получить то, что он хочет, то я решила первой подойти к скромному молодому человеку и заговорить с ним.

– Привет! – обратилась я к своему тайному воздыхателю. – Не подскажешь, в какой стороне кафедра уголовного права?

И всё. Больше ничего говорить или делать мне не потребовалось, потому что лицо парня расплылось в такой радостной улыбке, словно он только что выиграл в лотерею миллион долларов. Он даже не услышал мой вопрос, потому что вместо того, чтобы ответить на него, представился:

– Меня зовут Андрей.

– А меня Олеся, – ответила я, улыбаясь в ответ.

После этого Андрея было не остановить. Он сразу же вызвался проводить меня после занятий, и я согласилась.

В тот день мы проболтали с ним несколько часов, значительно удлинив путь до автостанции, с которой я должна была уехать домой – в небольшой подмосковный городок.

Андрей был исключительно весёлым и умным собеседником. Он всё время умело поддерживал беседу, не забывая при этом интересоваться и моими увлечениями. Признаться, в тот день он покорила меня, потому что все остальные парни, с которыми я общалась раньше, оказавшись наедине, вели себя всегда зажатое, боясь сказать лишнее слово. И чтобы избежать неловких молчаний, вести беседу всё время приходилось мне. Здесь же была обратная ситуация. Я чувствовала себя обычной девушкой, которая только позволяет молодому человеку оказывать ей знаки внимания, а сама просто купается в ореоле его восхищения. Я была очарована Андреем и безмерно радовалась тому, что наконец-то встретила хорошего парня.

Андрей жил в Москве вместе со своими пожилыми родителями и был лейтенантом милиции. Он работал в отделе кадров и дополнительно получал образование в Юридической Академии, чтобы после окончания учёбы уйти работать в адвокатскую контору. У него были огромные планы на будущее, и я не могла не восхищаться этим юношей.

Естественно, мы условились встретиться снова, и в ожидании этого дня я считала дни, не веря своему счастью.

Наша следующая встреча состоялась в канун 8 марта 1994 года. Андрей пришёл ко мне с букетом из пяти розовых роз, с коробкой шоколадных конфет и импортными духами. Признаться, я в жизни не получала таких шикарных подарков. Казалось, новый знакомый пытался искупать меня в своей щедрости. И единственным моментом, омрачившим мою радость, был тот факт, что от Андрея несло спиртным. Идти на свидание к девушке в подпитии, – что могло быть возмутительнее? Поэтому я поблагодарила Андрея за подарки и спросила:

– Ты пил?

– У меня умер товарищ, – скорбным голосом произнёс Андрей. – Я приехал к тебе прямо с поминок.

От услышанного мне стало неловко. Да, пожалуй, это была действительно уважительная причина, чтобы выпить, поэтому я отбросила дурные мысли и продолжила наслаждаться общением с понравившимся молодым человеком.

Потом, спустя время, когда я успела узнать всех друзей и товарищей Андрея, я спросила его, кто же всё-таки умер накануне того дня, когда у нас было свидание, и он ответил:

– Лично я его не знал. Но он был сотрудником милиции, который погиб в тот день в Москве. У нас на работе собирали деньги для его семьи, а потом мы с товарищами решили помянуть своего погибшего коллегу.

Да, это было объяснение в его духе. Только бы найти повод, чтобы выпить. Но тогда я этого не знала, и потому поверила Андрею на слово. А он продолжал удивлять и восхищать меня своим искромётным юмором и эрудицией, заманивая в сети своего обаяния. А когда в разговоре выяснилось, что хотя Андрей был старше меня на четыре года, день рождения у нас с ним приходится на один день, то я поняла, что это – судьба. Именно она свела нас вместе, потому что мы созданы друг для друга. Мы оба молодые, у нас огромные планы на будущее, которое мы можем строить вместе. И разве в девятнадцать лет нужно что-то ещё?

Но, к сожалению, тогда я и предположить не могла, что на самом деле все эти совпадения были лишь кознями Люцифера, который решил посмеяться надо мной, разрушив мою жизнь.

Но в тот день я рассталась с Андреем в самом радостном расположении духа. Я стала мечтать о будущем, в котором, естественно, было место и моему парню. Но всё это воодушевление продолжалось ровно до того момента, пока я не вернулась домой, потому что родители, увидев в моих руках букет цветов и подарки, сразу же задали вопрос:

– Когда свадьба?

И хотя я сама была безмерно очарована Андреем и, в принципе, была не прочь выйти за него замуж, но я не собиралась этого делать так скоро. Я планировала сначала закончить учёбу и найти работу, а уже потом обзаводиться семьёй и рожать детей. И уж, конечно, я не могла выйти замуж до того, как мне сделают предложение. Поэтому я ответила родителям, что только познакомилась с молодым человеком, и он ещё не предлагал мне выйти за него замуж. И, возможно, никогда не предложит, поэтому планировать свадьбу слишком преждевременно.

Но это не остановило родителей. На следующий день папа купил два ящика водки и снова повторил вчерашний вопрос, на который я ответила прежними словами, потому что за ночь ничего не изменилось.

И так продолжалось каждый божий день. Родители твердили, что мне уже девятнадцать лет, и я должна срочно выйти замуж и освободить их квартиру, а не сидеть у них на шее, и это притом, что я работала и училась одновременно, стараясь как можно меньше времени проводить дома. Поэтому я просто нырнула с головой в отношения с Андреем, чтобы почувствовать себя беззаботной и счастливой, как и полагается юной девушке. А буквально через пару недель Андрей впервые признался мне в любви.

Это был холодный весенний день. Андрей как обычно провожал меня до автостанции. И целуя меня при прощании в губы, произнёс:

– Я люблю тебя.

Услышав это признание, я ничего не сказала в ответ, как минимум, по двум причинам. Во-первых, это было не первое объяснение в любви, которое мне довелось услышать. С самого детства я не была обделена вниманием противоположного пола, поэтому успела привыкнуть к заявлениям подобного рода, воспринимая их исключительно как способ мужчины привлечь к себе моё внимание. А во-вторых, Андрей произнёс эту фразу так, словно пытался чем-то одарить меня, а не для того, чтобы узнать, есть ли у меня ответное чувство к нему. Поэтому я лишь улыбнулась в ответ и побежала на автобус, мысленно радуясь очередной своей победе над мужским полом.

А между тем Андрей начал знакомить меня со своими друзьями, которые, как на подбор, тоже оказались весёлыми и приятными людьми. Мы очень хорошо проводили время, и я не мечтала ни о чём большем. Но однажды эту радужную идиллию нарушил один неприятный случай.

Мы с Андреем встретились после работы и собирались ехать на день рождения к одной его знакомой. Причём подарок он купил заранее, о чём не преминул сообщить мне, а цветы купить не успел и предложил вместе съездить за букетом. И я согласилась. Но оказалось, что Андрей собрался купить цветы не где-нибудь по пути, а специально съездить для этой цели на рынок. Причём ехать на рынок нужно было на троллейбuse.

И тут следует отметить одну подробность.

В тот период времени у меня с деньгами было совсем худо. Моей зарплаты едва хватало на покупку проездного билета на метро и оплату автобуса до Москвы и обратно. Никаких других трат я не могла себе позволить. И Андрей, естественно, знал это, поэтому все гостинцы и подарки друзьям он оплачивал из своего кармана, тем более что его заработная плата была ровно в пять раз больше моей. К тому же в качестве сотрудника милиции у него был бесплатный проезд на общественном транспорте. И как следствие этого, он привык не ограничивать себя в расходах и выбирать тот вид транспорта, который удобнее, а не тот, что дешевле.

Поэтому когда Андрей вместо того, чтобы идти к метро, повёл меня на троллейбусную остановку, моё сердце замерло, потому что у меня с собой были лишь деньги на оплату автобуса до дома, и ни рублём больше. Правда, для экстренного случая в моём кошельке лежал один талончик на наземный транспорт. Но Андрей сказал, что обратно с рынка нам тоже предстоит ехать на троллейбусе, поэтому я решила не компостировать заветный талончик и приберечь его для обратной дороги.

И вот мы заходим в троллейбус. На Андрее была милицейская форма, потому что он часто ходил в ней по городу. И, как и это обычно бывает по закону подлости, следом за нами заходят контролёры – два молодых парня – и просят пассажиров предъявить проездные билеты. Но на меня они даже не посмотрели, потому что рядом со мной стоял лейтенант милиции, что само по себе являлось презумпцией моей благонадёжности. Поэтому контролёры пошли по салону троллейбуса дальше, а я облегчённо вздохнула. Но я рано радовалась, потому что в тот момент, когда парни прошли мимо меня, Андрей громким голосом произнёс:

– Олеся, ты забыла прокомпостировать талон!

Услышав это, я с опаской оглянулась на контролёров, которые, казалось, не придали значения словам Андрея, потому что даже не посмотрели в мою сторону, а продолжили делать свою работу как ни в чём не бывало. А мой парень продолжал настаивать на своём.

– Олеся, ты не слышала меня? Ты должна пробить талон!

Нужно было как-то остановить Андрея, тем более что говорил он очень громко, и многие люди стали оборачиваться в нашу сторону.

– У меня с собой нет денег! – прошептала я в ответ, надеясь, что Андрей войдёт в мою ситуацию.

– Так ты хочешь проехать в троллейбусе без билета? – произнёс он на весь салон, и теперь уже не только все пассажиры стали смотреть в нашу сторону, но и контролёры, которые мигом смекнули, что упустили добычу, и потому тут же развернулись и направились в мою сторону.

– Девушка, предъявите билет! – строгим голосом приказали контролёры.

Деваться было некуда, поэтому я достала свой единственный талончик и пробила его в компостере прямо на глазах контролёров, а затем предъявила его им.

– Вот мой билет!

– Но Вы пробили его после того, как мы подошли к Вам, поэтому платите штраф! – не желая сдаваться, продолжили напирать на меня парни.

– Но в правилах записано, что пассажир должен прокомпостировать свой талон до следующей остановки. И я успела это сделать! – уверенным голосом заявила я.

Действительно, мы только подъезжали к следующей остановке, и получалось, что я ничего не нарушила. И бравые контролёры смутились. По их лицам было видно, что они готовы оставить меня в покое, но в этот момент они получили неожиданное подкрепление.

– Олеся, ты должны признаться, что нарушила закон! Ты не собиралась компостировать талон до того, как к тебе подошли контролёры! – продолжал Андрей преподносить меня на блюдечке проверяющим.

– Да, девушка, оплачивайте штраф! – тут же ухватившись за поданную им соломинку парни.

– Но у меня нет денег! – растерявшись, произнесла я.

Поведение Андрея просто выбило у меня почву из-под ног. Я ожидала, что он заступится за меня, как и положено вести себя настоящему мужчине, он же, наоборот, фактически бросал меня на съедение кровожадным контролёрам.

– Ты должна заплатить штраф! – громогласно продолжал утверждать Андрей. – Раз виновата, нечего уваливать от ответственности! Доставай кошелёк и плати штраф!

После этих слов на лицах контролёров появилась нескрываемое торжество. Им даже не пришлось ничего делать! Зачем искать безбилетного пассажира и требовать с него штраф? Андрей всё это сделал за них, превратив в жертвенного агнца свою девушку, которой чуть ли не каждый день объяснялся в любви.

Со слезами на глазах я достала из сумки кошелёк, собираясь расстаться с деньгами на обратную дорогу домой. В тот момент я даже не думала о том, как мне предстоит без денег преодолеть расстояние в шестьдесят километров. Я хотела лишь одного. Чтобы это представление, в котором мне досталась самая трагическая роль, поскорее закончилось.

На глазах контролёров, Андрея и всех остальных пассажиров троллейбуса, тщательно следящих за развитием сюжета, я открыла кошелёк, но он был пуст. Я заглянула в одно отделение, потом другое, но денег там не было.

– Хватит тянуть время, плати штраф! – продолжал требовать Андрей.

– Но я ищу деньги! Они же где-то были! – оправдывалась я, снова и снова выворачивая несчастный кошелёк.

В тот момент я была так сильно расстроена, что забыла о том, что накануне положила деньги на обратную дорогу отдельно от остальных: во внутренний карман сумки, чтобы случайно не потратить свой резервный запас.

Разозлившись на то, что я никак не могу отыскать деньги, Андрей полез правой рукой во внутренний карман своей рубашки и достал оттуда необходимую купюру.

– Вот, возьмите! – протянул он контролёрам, и те, довольные, оставили нас в покое.

– Я отдам тебе деньги! – сказала я Андрею, когда мы снова остались вдвоём. – Вот только найду их, – и я снова продолжила ощупывать кошелёк на предмет тайного кармана, в котором могло что-то укрыться.

– Хватит уже устраивать спектакль! – недовольным голосом произнёс Андрей. – Лучше убери свой бутафорский кошелёк.

– Но у меня, действительно, есть деньги на обратную дорогу до дома! Я просто не могу их найти!

– Хватит придумывать глупые отговорки! Контролёры ушли, штраф уплачен!

– Но это – правда! – жалобным голосом пролепетала я со слезами на глазах.

– Дело уже сделано, так что лучше помолчи!

И я замолчала, быстренько спрятав кошелёк в сумку. Мне было так плохо, что не хотелось идти ни на какой день рождения, и вообще, не хотелось даже общаться с Андреем. У меня в голове не укладывалось, как он мог так поступить со мной. И я подумала, что, возможно, не стоит доверять парню, который с такой лёгкостью мог подставить свою любимую девушку. Но, к сожалению, в то время мой жизненный опыт был слишком мал, чтобы иметь возможность делать правильные выводы из неприятных ситуаций. И я объяснила себе подобный поступок Андрея его чрезмерной честностью и правильностью. И, якобы, эти качества не позволили ему ни на йоту отступить от буквы закона, даже если для этого пришлось принести в жертву любимую девушку. Поэтому в тот день я не распрощалась с Андреем навсегда, хотя мне очень этого хотелось. Я пошла с ним на рынок, где он купил этот злосчастный букет, после чего мы отправились на день рождения к его знакомой. Но только на троллейбусах мы больше не поехали, а прошли всё расстояние пешком, благо, идти нужно было всего три остановки.

Но буквально через несколько дней произошёл ещё один неприятный случай.

У меня был семинар по немецкому языку, и Андрей ждал меня в коридоре. И вот когда я, радостная, вышла из аудитории, Андрей обнял меня и поцеловал. И в этот момент к нам подошла девушка из его группы по имени Татьяна Луцук. И хотя мы с Андреем не скрывали своих отношений, видимо, эта девушка ничего не знала, потому что увидев нас вместе, просто пришла в ужас.

Глядя на Андрея немигающим взглядом, Татьяна медленной походкой подошла к нам, после чего, совершенно игнорируя моё присутствие, обратилась к моему парню:

– Как ты мог? Как ты мог так поступить? – заявила она, показывая рукой в мою сторону. – Ты променял меня на эту?

Затем из её глаз брызнули слёзы, и девушка замахнулась рукой на Андрея, словно желая дать ему пощёчину, но он перехватил руку Татьяны.

– Держи себя в руках! – процедил он сквозь зубы, после чего, взяв меня под руку, повёл прочь, а Татьяна так и осталась стоять на месте, вытирая слёзы.

Я же молчала, пытаюсь осмыслить увиденное. И лишь когда мы вышли из Академии на улицу, я позволила себе поинтересоваться у Андрея.

– У тебя с ней что-то было?

– Нет! – сразу же отрезал он. – Я не знаю, что она себе возомнила, но мы всего лишь пару раз после занятий прошлись вместе до метро.

Да, в этом действительно не было ничего предосудительного. Тем более что я сама до встречи с Андреем после занятий часто шла к метро с кем-нибудь из ребят из своей группы. Поэтому я подумала, что, вероятно, Татьяна Луцук – крайне неуравновешенная особа, которая по какой-то непонятной причине позволила себе лишнее, и постаралась выбросить этот неприятный эпизод из головы, но у меня это не получилось.

Андрей проводил меня до автостанции, и я поехала домой и всю дорогу думала. Вот если бы я сейчас увидела какого-нибудь парня из нашей группы, с которым я раньше ходила до метро, с посторонней девушкой, стала бы я устраивать ему сцену? Естественно, нет. Какое я имею право указывать своим знакомым парням, с кем им встречаться? Более того. Даже если бы я сейчас увидела Андрея с другой девушкой, которую он бы обнимал и целовал, я бы не стала на людях устраивать истерику. Я просто перестала бы с ним общаться, ну и, возможно, поревела бы немного в подушку. Всё.

А Татьяна Луцук устроила Андрею при посторонних людях сцену с рукоприкладством. Значит, она полагала, что имеет право предъявлять претензии моему парню. А в каком случае девушка считает, что имеет такое право? Только в одном. Если она спала с ним, и парень дал ей понять, что у него в отношении её имеются серьёзные намерения.

И тогда всё становится на свои места.

И я решила ещё раз поговорить с Андреем, чтобы расставить все точки над *i*, потому что учиться в этом учебном заведении нам предстояло ещё несколько лет, и перспектива новых сцен с рукоприкладством и выяснением отношений мне совершенно не улыбалась.

И в нашу следующую встречу я всё-таки задала Андрею свой вопрос.

– Пожалуйста, не обижайся, Андрюша, но мне кажется, что ты был со мной не до конца честен, когда рассказывал о Татьяне Луцук. Ты сказал, что у вас с ней ничего не было, и вы всего лишь несколько раз после занятий прошлись до метро. Но в этом случае она бы не стала устраивать ту истерику, которой я была свидетелем. Я думаю, что ты с ней спал, и она считала, что у вас всё серьёзно. И мне нужно это знать, чтобы определиться, как я должна себя вести с этой девушкой. Потому что если она всего лишь обычная истеричка, то и общаться с ней я буду соответствующе.

Андрей глубоко вздохнул, но ничего не ответил. Тогда я решила приободрить его.

– Скажи мне правду! И мне неважно, какой она будет, потому что моё отношение к тебе не изменится.

Андрей снова вздохнул, после чего еле слышно произнёс:

– Было дело.

И в ту же секунду я почувствовала, как сильно мне хотелось услышать отрицательный ответ. Насколько мне было бы легче жить, если бы Татьяна оказалась просто неуравновешенной особой, не умеющей контролировать свои эмоции.

Мне даже было неинтересно, как это у них произошло, и как долго продолжалось, потому что меня просто подкосил тот факт, что парень, с которым я встречалась, до меня развлекался с другой девушкой, а потом, не задумываясь, бросил её, даже не удосужившись предупредить бедняжку об этом.

И хотя я знала, что Татьяна Луцук мне не конкурентка, легче от этого не становилось. По возрасту Татьяна была старше меня на четыре года и уже успела побывать замужем и развестись, нажив в браке дочь, которой в то время уже исполнилось шесть лет.

На голове у этой девушки была химическая завивка, а на переднем зубе стояла золотая коронка, что, на мой взгляд, было верхом безвкусыя. И, конечно же, я была гораздо стройнее и привлекательней Татьяны, поэтому опасаться соперничества с её стороны не приходилось. И по большому счёту, дело было вообще не в Татьяне, а в Андрее, который воспользовался бедной разведённой, находящейся в активном поиске нового папы для своей доченьки, а потом в один миг забыл о ней просто потому, что встретил другую девушку, более молодую и хорошенькую.

Признаться, в тот день я даже не могла гулять с Андреем. Всё в нём казалось мне мерзким, поэтому я поспешила уехать от него домой, где снова стала думать.

Да, случай с Татьяной Луцук снова раскрыл мне Андрея с нелицеприятной стороны. Но за это время я успела привыкнуть к нему. Мне нравилось гулять с ним, нравилось проводить время с его друзьями. Да и у кого, собственно, нет тайного прошлого? Не всем же быть такими праведниками, как я! Поэтому я решила пустить всё на самотёк. Пусть всё идёт своим чередом, а дальше будет видно. И я продолжила встречаться с Андреем, избегая лишь встреч с Татьяной Луцук, чтобы случайно не спровоцировать её на новый скандал.

И вот однажды холодным майским днём 1994 года Андрей сделал мне предложение.

Обычно для любой девушки такое событие является чуть ли не самым ярким в жизни, о котором приятно вспоминать, пробуждая в памяти вновь и вновь мельчайшие романтические подробности. Но, к сожалению, для меня тот день не стал особенным. Я даже не помню, какое было число. Не помню, во что я была одета, и как выглядел Андрей. Я лишь помню, что подумала в тот момент о том, что наконец-то родители смогут избавиться от меня.

Мне так плохо жилось с отцом и матерью, которые каждый день попрекали меня куском хлеба и вообще обращались со мной так, словно я приходилась им не родной дочерью, а падчерицей, которую им кто-то навязал, что я готова была сбежать от них куда угодно. Одно время я даже пыталась устроиться работать дворником или уборщицей подъездов в Москве, лишь бы получить служебное жильё и уйти от родителей. Но глядя на мою тощую фигуру, ни один работодатель не решился принять меня на работу. Поэтому я подумала, что выйти замуж за москвича – не такая уж плохая идея в этой ситуации.

И хотя тревожный звоночки, свидетельствовавшие об опасности, продолжали звенеть в моей голове, я старалась не обращать на них внимания, по наивности думая, что после свадьбы Андрей изменится в лучшую сторону.

Да, он оставался всё тем же весёлым и обаятельным парнем, с которым я познакомилась, но узнавая Андрея больше, я мысленно отмечала в нём те черты, которые мне не нравились.

Так, например, он никогда и никому не уступал место в общественном транспорте. Даже старушкам. Наоборот, заметив свободное сиденье, Андрей опрометью бежал к нему, чтобы быстрее занять. Для меня же подобное поведение со стороны здорового парня было абсолютно неприемлемым. Ведь он же – мужчина! К тому же милиционер, который пользуется бесплатно общественным транспортом, а стало быть, и не должен занимать те места, которые рассчитаны на людей, заплативших за проезд.

Я, к примеру, вообще стараюсь не садиться в общественном транспорте, потому что мне стыдно, будучи молодой и относительно здоровой, сидеть, когда старшие по возрасту люди стоят. Но когда мы ехали с Андреем в метро или в автобусе, он заставлял меня тоже садиться рядом с ним, а когда кто-то из пассажиров начинал возмущаться, громогласно заявлял, что его жена, то есть я, беременна.

– Зачем ты так говоришь? Ведь всё это неправда! – шептала я ему на ухо, чтобы другие пассажиры не услышали.

– Но они же этого не знают, – говорил он в ответ. – Зато мы можем и дальше сидеть спокойно.

И хотя после этого мне было очень неприятно смотреть в глаза людям, но послушаться я не смела.

И со временем таких тревожных звоночков становилось всё больше, и я понимала, что было бы слишком преждевременно связывать свою жизнь с парнем, о котором я так мало знаю, но я продолжала надеяться, что моя замужняя жизнь вряд ли может быть хуже, чем жизнь с родителями.

Но если бы я только знала, что меня ожидает, удавилась бы на первом суку, потому что это избавило бы меня от дальнейших страданий. Но я не знала этого и продолжала надеяться на лучшее.

А Андрей начал настаивать на скорой свадьбе, чему я тут же воспротивилась.

– Всё должно быть как положено, – строго ответила я ему. – Ты должен познакомиться с моими родителями, а я с твоими. А свадьбу нужно играть осенью, потому что русские люди всегда так делали.

И поскольку я была непреклонна, Андрею пришлось согласиться.

Вскоре он познакомился с моими родителями и, как и следовало ожидать, произвёл на них самое благоприятное впечатление. Затем я познакомилась с его родителями, которые оказались мне милыми старичками. Мать Андрея, Надежда Викторовна, к тому времени была уже на пенсии. А Николай Тимофеевич, отец Андрея, который был на три года моложе своей жены, вёл себя более сдержанно, но в нём чувствовалась какая-то внутренняя сила, позволявшая ему добиваться серьёзных успехов в жизни.

Казалось, они делали всё, чтобы мне угодить. Во время моего визита Надежда Викторовна постоянно суетилась вокруг меня, подкладывая лучшие куски в тарелку и приглашая приезжать к ним снова и снова. И я подумала, что лучшей свекрови мне просто не сыскать.

Родители жениха мне понравились, и я подумала, что могла бы жить с ними в одной квартире. Но, конечно же, только первое время, потому что Андрей клятвенно пообещал мне, что жить вместе мы будем максимум год, потому что после нашей свадьбы Николай Тимофеевич, который был местным депутатом и занимал руководящую должность на заводе, постарается использовать все свои связи и в самое ближайшее время организует для нас отдельную квартиру. И, пожалуй, только ради этого стоило выйти замуж за Андрея.

И через два месяца после того, как Андрей сделал мне предложение, мы подали документы в ЗАГС.

Я специально тянула так долго в надежде, что какие-нибудь непредвиденные обстоятельства помешают нашей свадьбе. Каждый день я надеялась на чудо, откладывая неизбежное, но чуда не произошло. Родители ежедневно спрашивали у меня, когда я выйду замуж и освобожу их квартиру, а Андрей всё время твердил о своей любви и о прекрасном будущем, которое ждёт меня, если мы поженимся. И я сдалась. Я подумала, что стоит дать этому парню шанс доказать свою любовь, и, возможно, меня действительно ждёт счастливое будущее с человеком, который любит меня и обещает всю жизнь заботиться обо мне.

Всё лето мы готовились к свадьбе. Хотя, если честно, к свадьбе готовилась лишь наша сторона: я и мои родители, которые закупали продукты и напитки, организовывали приглашения и договаривались о ночлеге для приезжих родственников. Ни Андрей, ни его родители не делали ничего, видимо, полагая, что самим фактом принятия меня в их семью, они уже делают для нас большое одолжение.

Мама купила мне дешёвенькое свадебное платье и туфли, но у меня до сих пор не было самого главного – обручального кольца. Почему-то Андрей не проявлял никакой инициативы в этом вопросе, поэтому мне пришлось брать её на себя.

– Андрюша, а ты уже купил свадебные кольца? – спросила я его во время одной из наших встреч.

– Нет ещё, – безразличным тоном ответил он.

– А когда ты собираешься их покупать? Обычно все делают это сразу же после подачи документов в ЗАГС.

– Но я думал, ты сама купишь себе кольцо, – невозмутимо ответил он, и услышав эти слова, я оторопела.

– Но это всегда делает жених! Во все времена и во всех странах жених покупает кольцо невесте, а не она сама это делает! – задыхаясь от возмущения, произнесла я.

– А разве ты не можешь попросить родителей купить тебе обручальное кольцо? – продолжал отказываться Андрей.

– Дело не в моих желаниях! Это – традиция! Так же как парень делает предложение девушке, а не наоборот, так и кольцо должен дарить жених, а не невеста!

– Ну, если тебе так этого хочется, куплю для тебя кольцо, – словно вымучивая каждое слово, ответил Андрей.

Бог мой! Почему именно тогда я не сделала надлежащих выводов и не сбежала от этого человека? Но я стала искать оправдание для Андрея, списав всё на его неопытность, и потому не придавала значения этому факту, который на самом деле был одним из звоночков, предупреждавших об опасности.

А через несколько дней мы поехали с Андреем в ювелирный магазин, где он выбрал для меня самое тоненькое золотое колечко, которое только было в продаже. При этом себе он взял массивное кольцо, которое совершенно не сочеталось с моим. А я-то считала, что обручальные кольца супругов должны быть одинаковыми! Ах, сколько ещё разочарований ожидало меня!

Впоследствии, уже после нашей свадьбы, один из друзей Андрея, посмотрев на мою правую руку, сказал:

– Ну ты, Андрюха, и жид! Жене такое скромное кольцо выбрал!

– Она сама выбирала, – тут же отреагировал муж, делая меня крайней.

А я по привычке смолчала, не желая компрометировать Андрея перед его друзьями.

Перед свадьбой я посчитала, что должна быть честной со своим женихом. И хотя в моём прошлом и настоящем не было никаких тёмных тайн, вроде бывших любовников или иных порочных связей и неблагоприятных поступков, я решила, что должна рассказать будущему мужу обо всех не слишком гладких моментах своей биографии и о своём состоянии здоровья. Ведь рано или поздно Андрей всё равно это узнает, и было бы несправедливым по отношению к нему тянуть до последнего. Я решила предоставить своему жениху возможность дать задний ход и отменить свадьбу, если его что-то не устроит во мне.

И вот однажды в тёплый июльский день, когда мы встретились, чтобы погулять, я начала нелёгкий разговор. И хотя мне было очень больно и неприятно говорить о многих вещах, я собрала с духом и рассказала Андрею всё. О том, что у меня плохие отношения с родителями, которые всегда предпочитали мою младшую сестру мне, и потому рассчитывать на их помощь в дальнейшем не приходится. Я рассказала о язве желудка и о болезненных месячных, во время которых часто теряю сознание. И я думала, что этих моментов более чем достаточно, чтобы любой молодой человек отказался от брака со мной. Но, казалось, Андрея это ничуть не смутило. Он вообще никак не отреагировал на мои сообщения, словно это не играло для него никакой роли. Хотя я бы всё же предпочла, чтобы мой жених проявил некое сочувствие и поддержал меня, развеяв опасения по поводу будущего. И, возможно, тогда я бы чувствовала себя лучше. А так, мне показалось, что Андрей просто принял услышанные факты к сведению.

Но я затеяла этот разговор не только для того, чтобы покаяться перед будущим мужем в том, в чём считала себя виноватой. Я надеялась, что в ответ он тоже будет со мной откровенен и расскажет обо всех неловких моментах своей биографии, чтобы впоследствии это не стало бы для меня неприятным открытием и избавило бы в будущем от неловких и постыдных ситуаций напоподобие той, что произошла во время встречи с Татьяной Луцук.

Однако Андрей не торопился раскрывать свои карты, и мне пришлось самой задать ему этот вопрос.

– Мне нечего скрывать, – коротко ответил он. – Я окончил школу, потом техникум, потом стал учиться в Юридической Академии. Я служил в армии, после которой пошёл работать в милицию. Ты же всё это знаешь! Зачем ты меня сейчас об этом спрашиваешь?

– Я спрашиваю тебя, потому что мы собираемся пожениться! И сейчас я хотела бы попросить тебя рассказать мне не свои анкетные данные, которые я и так знаю, а сообщить о том, с чем мне придётся столкнуться в нашей будущей семейной жизни. О том, чего я не знаю сейчас, но непременно узнаю в дальнейшем, и мне это может не понравиться, – попыталась я объяснить Андрею суть затеянного мною разговора.

– Мне нечего тебе рассказывать, – снова попытался закрыть тему Андрей. – Я – единственный ребёнок у своих родителей, которые меня любят, и тебя они тоже полюбят, как только мы поженимся.

– А как у тебя со здоровьем? – начала я задавать уточняющие вопросы, поняв, что Андрей не желает быть со мной откровенным.

– В милицию больных не берут, – коротко ответил он и постарался быстрее сменить тему разговора.

И хотя результаты нашей беседы меня не удовлетворили, я поняла, что большего добиться от Андрея не смогу. И когда после нашей свадьбы мне открылся весь ужас моего положения, какой я не могла ожидать даже в своих самых страшных кошмарах, я, естественно, припомнила мужу тот давешний разговор и спросила его, почему тогда он не был со мной откровенным, ведь я же рассказала ему о себе всё.

– Я говорил тебе то, что ты хотела услышать, – отрезал он, не желая вспоминать прошлое.

– А с чего ты решил, что я хотела слышать от тебя неправду? Я потому и начала тот разговор, чтобы расставить все точки над *i*. Чтобы ни у тебя, ни у меня не было сомнений в правильности того серьёзного шага, который мы с тобой собирались сделать.

– Но если бы я тогда тебе всё честно рассказал, ты бы никогда не вышла за меня замуж! – заявил муж, надеясь, что это будет ему оправданием.

– Да. Я бы отменила свадьбу и не вышла бы за тебя замуж, – честно ответила я.

– Ну вот, ты сама и ответила на свой вопрос, – спокойно сказал Андрей. – Как в таком случае я мог сказать тебе правду?

И как, прикажете, мне ещё разговаривать с этим человеком? Нет бы, извиниться, покаяться. Сказать, что был влюблён в меня по уши и боялся потерять. Я бы, может, позлилась на него, да оттаяла. А так я ещё больше вышла из себя. Мало того, что Андрей признался в том, что намеренно обманул меня, так он ещё и обвинил меня в том, что я спровоцировала его на эту ложь! Здорово придумал! Нашёл крайнюю, как всегда.

Не могу простить его за это. Не могу. Надеюсь, выпитое снадобье вытравит эти воспоминания из меня, чтобы я перестала корить себя и изводить за ту ошибку, которую я совершила, не разглядев в Андрее самовлюблённого эгоиста и подлого лжеца, позволив ему обманом жениться на себе.

Я глубоко вздохнула и вернулась в настоящее. Воспоминания разбудили во мне такой стыд, что я боялась взглянуть на Веру или на знахарку, чтобы увидеть их реакцию на свои действия. Невидящим взглядом я посмотрела на жидкость, бултыхавшуюся в глиняной чаше. Затем я поднесла её ко рту и сделала большой глоток. И в ту же секунду моё горло обожгло огнём. Дыхание перехватило, а глаза, казалось, вот-вот готовы были выскочить из орбит. И тогда я посмотрела на знахарку, чтобы убедиться в том, что со мной не происходит ничего такого, чего не должно быть. Но эта женщина продолжала медитировать, напевая свои странные напевы.

Тогда я посмотрела на Веру, но в ответ на мой безмолвный вопрос она лишь кивнула, словно сама не до конца понимала, что происходит.

Но тут жжение в горле прекратилось, дыхание восстановилось, и я даже почувствовала себя легче, чем до того, как отпила снадобье. И я воспрянула духом и решила продолжить начатую процедуру, продолжив извлекать из своей памяти болезненные воспоминания.

Когда мы планировали свадьбу, я несколько раз просила Андрея купить для меня в Москве букетик маленьких роз, с которым я могла бы ходить весь день.

– У нас в городе такие цветы не продают, – объясняла я ему. – А мне так хотелось бы держать в руках именно такой букетик! Не люблю я эти здоровые махины, которые продаются на цветочных рынках. И на свадьбе мне будут совсем неудобно ходить с такими цветами. Мало того, что всё время придётся приподнимать подол платья, нужно будет ещё и букет куда-то девать. А с маленьким всё будет намного проще.

И каждый раз Андрей кивал мне в ответ, обещая выполнить эту нехитрую просьбу. И когда в день нашей свадьбы он вошёл в квартиру моих родителей с букетом из пяти длинных белых роз в дурацком пакете из фольги, мне подумалось, что он или издевается надо мной или просто не слушал ничего из того, что я говорила.

– Я же просила тебя купить мне букетик из маленьких роз! – шепнула я на ухо своему жениху. – Как же я весь день буду ходить с таким длинным букетом?

– Скажи спасибо, что я вообще тебе хоть что-то купил, – полушутя-полусерьёзно ответил он. – Это Лёха, когда мы ехали сюда, сказал мне о цветах. А я вообще тебе ничего не собирался покупать.

Лёха был свидетелем на нашей свадьбе. Пожалуй, даже самым лучшим свидетелем в мире.

И мысленно я поблагодарила Лёху за этот жест внимания, потому что если бы на собственной свадьбе я была бы совсем без цветов, это было бы ещё хуже, чем бродить весь день с негабаритным букетом.

Но ещё до того, как Андрей появился на пороге квартиры моих родителей в день свадьбы, я боялась, что он совсем не приедет.

Расписываться мы решили в моём городе. Мол, так удобнее во всех отношениях, потому что Андрею не придётся сначала ехать из Москвы в область, а потом на всех порах мчаться обратно, чтобы успеть на регистрацию, которая продлится не более десяти минут. В нашем же ЗАГСе на эту процедуру отводилось не менее получаса, и кроме обычных поздравительных речей молодожёнам предлагалась ещё и небольшая фольклорная программа в русском стиле с шутками и прибаутками. И взвесив все эти аргументы, мы с Андреем решили, что расписаться в моём родном городе будет гораздо сподручнее, чем в Москве. А уж полномасштабная пьянка-гулянка с друзьями и родственниками будет проходить в кафе в столице, до которой нашим гостям добираться будет гораздо проще, чем до маленького подмосковного городка.

Наша регистрация в ЗАГСе была назначена на 11.30 утра, и мы договорились, что в 10.00 Андрей с друзьями будет уже у нас. Это время было необходимо для того, чтобы украсить машины цветными лентами и шариками, что должно было занять приблизительно двадцать минут. Столько же времени следовало оставить на традиционные конкурсы по выкупу невесты, которые собирались организовать мои подруги. Затем требовалось прибавить время на дорогу до ЗАГСа, включая посадку и высадку гостей из машин, что должно было занять не менее получаса. Ну и не менее четверти часа необходимо было оставить в запасе, чтобы своевременно оповестить работников ЗАГСа, что мы приехали и церемонию регистрации можно начинать без опозданий.

Все подруги были у меня уже в девять утра. Мы нетерпеливо поглядывали на часы, ожидая, что вот-вот засигналят машины, оповещая о прибытии моего жениха.

Я в спешке прихорашивалась, наводя последний марафет, периодически выходя на балкон, чтобы посмотреть на дорогу.

Время было уже 10.00, но Андрея всё не было. Я чувствовала себя как на иголках, подсакивая от малейшего звука, но никто не приезжал. И вот уже часы показывали 10.20. Потом 10.30.

Девчонки сочувственно смотрели на меня, и в их взглядах читалась растерянность. Я же была в полной панике.

Неужели Андрей бросил меня? Бросил прямо в день свадьбы, решив опозорить перед всеми знакомыми и родственниками?

Я переводила взгляд от дороги к часам и обратно, надеясь, что время остановится или, ещё лучше, пойдёт назад к тому моменту, когда Андрей приезжает ко мне и радостно улыбается, идя навстречу.

В тот миг я желала лишь одного: чтобы Андрей приехал. И неважно, что было раньше и что будет потом. Главное, чтобы сегодня мне не пришлось краснеть перед всей многочисленной роднёй, униженно оправдываясь за то, что меня бросили.

И в 10.40 я услышала шум приближающихся к нашему дому машин. Ошибиться было невозможно, потому что автомобильное движение в нашем городке небольшое, и столь бурный поток машин мог свидетельствовать только о том, что приближался свадебный кортеж.

И когда я увидела, что из дверей одной из машин выходит Андрей, то у меня отлегло от сердца. Я спасена! Меня не бросили! Сегодня мне не придётся переживать позор и унижение брошенной невесты.

Но поскольку времени до регистрации оставалось вдвое меньше намеченного, то и программу предсвадебных мероприятий пришлось проводить в резко усечённом виде.

Все мои подруги быстренько спустились вниз, вышли на улицу и занялись украшением машин.

Затем начались конкурсы для жениха, которые пришлось сократить до минимума. Потом Андрей поднялся в квартиру моих родителей, где вручил мне тот ужасный букет цветов, о котором я уже упоминала.

– Почему ты так поздно приехал? – спросила я своего жениха.

– В этом ты виновата, – продолжая улыбаться моим родителям, ответил Андрей. – Мы же договорились встретиться при въезде в город.

– С чего ты взял? – удивилась я.

– Ты сама говорила, что мы должны в десять утра встретиться там, чтобы украсить машины, – продолжал нести чушь Андрей.

– Я этого не говорила! Да и как бы я добиралась туда в свадебном платье?

– Откуда я знаю? Это же ты так решила! Вот мы и ждали тебя в условленном месте сорок минут, а потом поняли, что что-то пошло не так, и приехали сюда.

– Я этого не говорила! – продолжала оправдываться я. – Мы же с тобой всё подробно обсудили, что к десяти утра ты с друзьями приезжаешь сюда, и уже здесь мы украшаем машины, проводим конкурсы и потом едем в ЗАГС!

– Я точно помню, как ты мне говорила про въезд в город, – настаивал на своей версии Андрей. – Иначе зачем мы бы столько времени там торчали?

Он совершенно не хотел признавать свою вину. И что ещё хуже, пытался выставить виноватой меня. Но я всё равно была благодарна ему за то, что он вообще приехал. Не отменил свадьбу. Не передумал.

Поэтому взяв Андрея под руку, я улыбнулась своим родителям, а также всем остальным присутствующим, чтобы они не подумали о том, что на душе у меня совсем не так хорошо, как должно быть у невесты. После чего мы поехали в ЗАГС.

И вот сейчас, спустя много лет после того дня, я думаю о том, что лучше бы он в тот день не приехал. Пусть лучше бы мне пришлось пережить целый день унижений, пытаясь оправ-

даться перед друзьями и родственниками за неправильный выбор жениха. Лучше бы мне пришлось это делать один день, чем всю жизнь.

Но опоздание Андрея и дурацкий букет цветов, который он купил, были не единственными неприятными моментами в тот день. На нашей свадьбе случилась ещё одна очень неловкая ситуация. Когда зазвучали звуки вальса и тамада объявил первый танец для молодых, Андрей уверенными движениями поднялся из-за стола и протянул мне руку, приглашая выйти.

Улыбнувшись своему супругу и всем присутствующим, я последовала за Андреем, который вывел меня в центр зала, после чего встал столбом.

– Ты чего? – продолжая улыбаться, произнесла я, пытаюсь приободрить мужа. – Давай танцевать!

– А я не умею, – простодушно ответил он, продолжая стоять столбом.

Все гости недоумённо смотрели на нас, музыка продолжала играть, а мы не двигались с места.

И тут стоит добавить, что я в своё время занималась танцами и много раз выступала на сцене, поэтому приглашение тамады не застало меня врасплох. Именно поэтому я предположила, что Андрей тоже умеет танцевать или хотя бы знаком с азами танцевальных движений. Ведь зачем-то он вышел из-за стола! А если он совсем не умел танцевать, то что, в таком случае, мы делали посреди зала под нетерпеливыми взглядами почти сотни гостей, ожидающих увидеть первый танец новобрачных?

– А почему ты раньше об этом не сказал? – словно громом поражённая, спросила я. – Хотя бы до того момента, пока мы не вышли из-за стола? По крайней мере, тогда бы у нас была возможность придумать какую-нибудь отговорку! А что делать сейчас?

А в это время гости удивлённо зашумели, подбадривая нас.

– Давай хотя бы попробуем! – предложила я Андрею, но оказалось, что он не только не знает, куда девать ноги, он даже не знал, куда класть руки.

Я стала объяснять ему, но процесс грозил затянуться, потому что Андрей совершенно не желал учиться, продолжая стоять столбом.

И в этот момент случилось чудо. К нам на выручку пришли моя тётя Надя со своим мужем Василием. Они поднялись со своих мест со словами:

– Думаем, нужно показать молодым, как это делается, – и, выйдя в центр зала, аккуратно отодвинули нас в сторону, а сами закружились в вальсе.

Как я была им благодарна! Они так выручили нас в ту минуту!

Я же тем временем схватила мужа за руку и повела обратно на наши места.

– Почему ты не предупредил меня о том, что совершенно не умеешь танцевать? – шепнула я на ухо Андрею.

– А зачем? – спокойно произнёс он.

– Хотя бы для того, чтобы избежать подобной ситуации, из которой нас, по счастью, выручили тётя Надя и дядя Вася.

– Так обошлось же! – пробурчал муж.

– И слава Богу! – ответила я.

Но на самом деле это было только началом. Мой муж не только не умел танцевать, он принципиально не желал этому учиться. Он не знал даже минимальных движений, которые знает любой подросток.

Ещё в школьные годы я очень страдала из-за того, что, будучи хорошей танцовщицей, мне всегда приходилось на дискотеках подпирать стены, потому что мои одноклассники были настолько закомплексованными, что не решались сами приглашать девочек на танцы. И как только начинала звучать медленная мелодия, они тут же объявляли, что это – белый танец, и усаживались на стулья вдоль стен, ожидая приглашений со стороны прекрасного пола. Иногда

я шла на эти уловки, сама приглашая мальчиков на танец, иногда нет. И потому я искренне надеялась, что выйдя замуж, больше не буду подпирать стены. Я верила, что теперь у меня появился постоянный кавалер для танцев, но я жестоко обманулась в своих ожиданиях.

Став замужней женщиной, я продолжала подпирать стены на свадьбах и на вечеринках друзей, потому что никто меня не приглашал. А когда я сама подходила к какому-нибудь свободному молодому человеку, тот отвечал:

– Здесь твой муж. Почему ты с ним не танцуешь?

– Потому что он не хочет танцевать, – отвечала я.

– Но я тоже не буду с тобой танцевать, потому что не хочу напрасно вызывать в твоём муже чувство ревности.

И не солоно хлебавши я отходила в сторону к очередной стенке, которая, единственная, никогда не отказывала мне в своих объятьях.

После того, как мы с Андреем вернулись после свадьбы домой, то первым делом закрыли дверь нашей комнаты и начали делать то, что делают все молодожёны перед первой брачной ночью. А именно, считать подаренные деньги.

Однако родители Андрея всегда отличались бесцеремонностью. В самый разгар наших подсчётов, не стучась, к нам в комнату вошёл отец Андрея – Николай Тимофеевич. И, не стовариваясь, мы тут же накинули одеяло на купюры, разложенные на диване.

– Деньги уже посчитали? – сразу же осведомился Николай Тимофеевич.

– Нет ещё, – ответил Андрей.

– Это неважно. Давай-ка мне их сюда, я сам посчитаю, – сказал Николай Тимофеевич, подходя ближе и протягивая руки.

– Отец, это наши деньги! – неуверенным голосом попытался возразить Андрей.

– И что? Я найду, на что их потратить. Вас-то кормить надо! – спокойно ответил Николай Тимофеевич.

– Но я и так отдаю вам с матерью зарплату и все премии! – продолжал сопротивляться Андрей.

– Свою зарплату ты отдаёшь нам для того, чтобы мы тебя кормили. А затраты на свадьбу нам компенсировать кто будет?

– Но Вы же ни копейки не потратили! – вмешалась я в разговор. – Все расходы на свадьбу несли только мои родители!

– Ну и что! Мы всё равно должны получить свою долю с тех денег, которые вы собрали, потому что вы будете жить у нас, – не собиравшись уступать Николай Тимофеевич.

– Но ведь Андрей отдаёт Вам достаточно денег для того, чтобы покупать еду и оплачивать жильё, – не сдавала я своих позиций. – А эти деньги друзья и родственники подарили нам, чтобы поздравить нас, и для того, чтобы мы могли потратить их по своему усмотрению, начав семейную жизнь.

Я говорила таким уверенным тоном, что Николай Тимофеевич понял: я не собираюсь ему подчиняться в отличие от его сына. Тогда он сменил тактику.

– Дайте хотя бы половину!

– Нет! – не поддавалась я на уговоры. – Это наши деньги!

Николай Тимофеевич ещё немного постоял, помявшись, в нашей комнате, наверное, надеясь, что Андрей встанет на его сторону, но этого не произошло, и через некоторое время он ушёл, а мы с мужем продолжили считать наши первые доходы.

Признаюсь, собранная сумма меня разочаровала. На свадьбе присутствовало больше восьмидесяти человек, а денег было собрано приблизительно пятьсот долларов, если перевести их в валюту. А всё потому, что родители Андрея, к примеру, не только не тратились на свадьбу, но и не подарили нам ни копейки. А многочисленная родня мужа в большинстве своём

тоже последовала их примеру. Видимо, они посчитали, что букета хризантем или гладиолусов вполне достаточно для подарка молодожёнам. А некоторые семьи, объединившись, дарили один конверт, в котором была сумма, не превышающая десяти долларов, если считать в валюте. Причём эти люди даже не думали о том, что в их поведении есть что-то предосудительное, потому что они подписывали подаренные конверты, не стесняясь своих подарков, а наоборот, гордясь своим поступком. Именно поэтому я и узнала о том, кто и сколько подарил.

И только мои друзья и родственники смогли немного исправить положение, установив квоту – дарить не меньше пятидесяти долларов с семьи. И из-за этого удалось собрать хоть что-то. Но даже эти деньги не смогли компенсировать ту сумму, которую потратили мои родители на свадьбу.

И я хотела потратить эти деньги на новую одежду и развлечения, но у мужа были другие планы.

А дело было в том, что на работе у Андрея появилась новая мода – проводить свой отпуск на Кипре. И, конечно же, муж не хотел отставать от своих коллег. Но если раньше он отдавал все заработанные деньги родителям, которые и слышать не хотели ни о каком Кипре, то женившись на мне, у Андрея появился шанс утереть нос своим обеспеченным коллегам. Раз я сумела отстоять наши свадебные деньги, то их можно было использовать как первоначальный капитал для заграничной поездки.

И Андрей во всех красках расписал мне отдых на Кипре, о котором знал по рассказам своих товарищей по работе. И мне, двадцатилетней девчонке, которая не ездила никуда дальше деревни в Рязанской области, бесспорно, захотелось посмотреть далёкие страны. Я полностью согласилась с мужем в том, что все свадебные деньги следует обменять на валюту и начать копить недостающую сумму, которая также равнялась пятистам долларам. Но только я не знала одного: что все тяготы этого накопления лягут исключительно на мои плечи.

Я работала в канцелярии на госпредприятии, и моя зарплата была небольшой. Мы с Андреем тратили её на покупку учебников, презенты преподавателям во время сессий и покупку проездного билета для меня, так как у мужа проезд был бесплатный. После этих трат в моём распоряжении оставались сущие копейки, да и те приходилось откладывать.

Едва я приносила домой какую-нибудь премию, муж тотчас отбирал её у меня и бежал в обменный пункт. А однажды он смог утаить от родителей одну из своих премий, которая была несравненно больше зарабатываемых мною крох, и он тоже обменял её на доллары.

В течение года я не могла позволить себе купить даже мороженое. А когда кто-нибудь из подруг приглашал меня на день рождения, мне приходилось отказываться под любыми более или менее благовидными предложениями, потом что мне было стыдно признаваться в том, что у меня нет денег на подарок.

И вот через год жесточайшей экономии мы с мужем набрали нужную сумму. А затем муж пошёл на ещё один беспрецедентный шаг вопреки требованиям своих родителей, обменяв часть отпускных денег на доллары, чтобы у нас с собой было хоть немного карманных денег.

Но накануне нашей поездки Николай Тимофеевич предпринял ещё одну попытку лишить нас возможности потратить собранные деньги по своему усмотрению

– Может, вы всё-таки передумаете ехать и вернёте деньги за путёвку? – обратился он вечером к нам с Андреем. – Представляете, сколько еды мы могли бы купить на эту сумму! Может быть, на Кипр вы как-нибудь потом съездите, а сейчас мы лучше поедим как следует?

– А разве мы плохо питаемся? – ответила вместо мужа я. – Да вы икру каждый день ложками едите!

И это фраза была не аллегорией, а чистой правдой. Банки с красной икрой всё время стояли у них в холодильнике. А в канун праздников Андрей обычно покупал не менее полукилограмма чёрной икры, которую его родители реально ели ложками.

– Но с этими деньгами мы могли бы ещё лучше питаться! – продолжал настаивать на своём Николай Тимофеевич.

– Да куда уж лучше? – ответила я. – Мы не будем отменять поездку. У нас всё уже оплачено, и туристическая фирма деньги не вернёт.

Николай Тимофеевич повздыхал-повздыхал и пошёл к себе в комнату. А мы на следующий день сели в красавец-самолёт и полетели на сказочный Кипр, чтобы провести там целую неделю в трёхзвёздочном отеле.

И поскольку инициатива этой поездки исходила от Андрея, то я полагала, что и во время нашего отдыха он так же будет решать все возникающие проблемы, потому что, в отличие от меня, он был информационно подкован в этом вопросе. Для меня же это поездка была своего рода авантюрой, в которую я пустилась только вслед за мужем. Но оказалось, что я напрасно на это надеялась.

А проблемы начались сразу. И первой их них была языковая.

В школе я учила немецкий язык, которым очень неплохо владела. Муж же учил английский и постоянно хвастался тем, что прекрасно говорит на этом языке. И как обычно, я ему поверила. И чтобы не ударить в грязь лицом при столь образованном супруге, я купила для себя скромный англо-русский разговорник. И если бы я его не взяла с собой, то даже не представляю, каким был бы наш отдых.

В далёком 1995 году туристический бизнес только начинался, и на Кипре не было столько русскоязычных туристов, чтобы у персонала ресторанов и отелей возникла необходимость в изучении русского языка или в составлении меню на русском языке. Тогда там всё было на английском. По-русски никто не говорил ни слова. Впрочем, так же, как и по-немецки, так что мои познания были бесполезны.

И вот когда мы сошли с трапа самолёта и зашли в здание аэропорта, я с надеждой посмотрела на мужа, пребывая в полной уверенности, что сейчас он найдёт дорогу, найдёт тех, кто нас встречает, и вообще решит все организационные вопросы. Но не тут-то было. Андрей точно также рассеянно смотрел по сторонам, как и я.

– Может быть, ты спросишь кого-нибудь, куда нам идти? – спросила я мужа.

– А кого я спрошу? – удивлённым тоном произнёс он.

– Кого-нибудь из персонала. Вон там стоят работники аэропорта, – сказала я, показывая рукой в сторону людей в униформе. – Подойди к ним и спроси, куда нам нужно идти.

– А может, ты лучше сама их об этом спросишь? – раздражённо произнёс муж.

– Как я их спрошу? Я же не знаю английского! А ты знаешь!

– Значит, спроси их по-немецки, – продолжая злиться, ответил муж.

– Вряд ли здесь, на Кипре, народ говорит по-немецки, – с сомнением сказала я.

– А ты попробуй.

И я подошла к работникам аэропорта и начала что-то говорить по-немецки. И оказалось, что с таким же успехом я могла бы пытаться общаться с ними на русском языке, потому что толку от этого общения не было никакого. И тогда я достала из своей сумки разговорник и, найдя нужные фразы, стала их читать. И несмотря на моё ужасное произношение, меня поняли, и с помощью жестов показали куда идти и что делать.

И так всю поездку. Муж не мог произнести даже элементарной фразы. Мне приходилось всё время носить с собой разговорник и с его помощью общаться с местными жителями.

– Ты же говорил, что хорошо знаешь английский! – упрекала я мужа.

– Да, хорошо, – кивал головой Андрей.

– Но я до сих пор не услышала от тебя ни одной фразы на английском языке!

– И что? Я знаю английский язык достаточно хорошо, чтобы иметь по нему твёрдую четвёрку, – с апломбом отвечал муж.

– Неважно, какую ты имеешь оценку по этому предмету, если ты ни слова не можешь произнести! – продолжала я спорить с Андреем, надеясь, что он найдёт в себе мужество признать свою ошибку.

– Нет, это важно! Если преподаватели ставят мне твёрдую четвёрку, значит, они уверены в том, что у меня есть необходимые знания, – не соглашался со мной муж.

Да, у Андрея в Академии были очень хорошие оценки. Но только к этому времени я уже успела узнать, как это происходило.

Андрей поступил в Юридическую Академию точно так же, как и раньше в техникум, только благодаря связям своего отца. И благодаря им же, а также хорошим подарочкам, он получал неплохие оценки, совершенно не напрягаясь в учёбе. Так что его «четвёрки» да «пятёрки» ничего не значили. Что, собственно, и подтвердилось буквально через год, когда Николай Тимофеевич уже не мог оказывать протекцию сыну.

А другой неприятный момент нашей поездки связан с очередной безалаберностью мужа.

Дело в том, что меня страшно укачивает в поездках на автобусах и на автомобилях. А в маршрутных такси я вообще ездить не могу, так как их чрезмерная манёвренность вызывает во мне такой приступ головокружения, что я могу потерять сознание. И естественно, муж знал об этом.

Пока мы ехали на микроавтобусе от аэропорта до отеля, меня вырвало раза три. Хотя поездка длилась чуть больше часа.

А когда мы заселились в отель, нас навестила русская девушка Катя, которая была представителем туристической фирмы на Кипре. И, конечно же, Катя навестила нас не сколько для того, чтобы помочь освоиться в незнакомом месте, сколько для того, чтобы подтолкнуть нас к ещё большим тратам. Она предложила нам выбрать для себя экскурсии, чтобы наше пребывание на солнечном Кипре не было однообразным и скучным. И, конечно же, сделать выбор вызвался мой муж, как глава семьи. Я же, как примерная жена, которая к тому же ещё не пришла в себя после утомительной дороги, скромно отошла в сторону, чтобы не мешать супругу принимать решение.

Андрей обстоятельно поговорил с Катей, которая показала ему фотоснимки с различных экскурсий, а потом заказал одну из них, заплатив за неё сто восемьдесят долларов из четырёхсот, которые у нас были с собой, сразу же лишив нас значительной части бюджета. Я же, полностью доверяя выбору мужа, даже не удосужилась проверить, что же это была за экскурсия. Андрей лишь сказал мне, что это будет посещение местной деревни с обедом.

«Что ж, деревня, так деревня», – подумала я.

Но на деле всё оказалось гораздо хуже. Причём настолько хуже, что я потом очень долго припоминала мужу эту экскурсию.

Когда в назначенный день мы вышли из отеля, нас подхватил джип с лихим водителем по имени Аки. И тут выяснилось, что Андрей заказал для нас двенадцатичасовое горное сафари.

Меня рвало всё время. Не помогали даже таблетки от укачивания. Чуть ли не каждые десять минут я просила водителя остановиться. После чего я отбегала в сторону, где меня выворачивало наизнанку. Если бы я знала английский язык, я бы вышла на первой же остановке и вернулась в отель. Впрочем, будь у меня чуть больше жизненного опыта и уверенности в себе, я бы, пожалуй, и без знания языка и денег сумела бы добраться до нужного места. Но тогда я была слишком молода и полностью зависела от мужа, которого, казалось, совершенно не волновало состояние его жены.

Андрей с удовольствием общался с остальными русскими туристами, которых Аки забрал в других отелях и которые путешествовали с нами весь день. Я же не могла найти себе места. Весь день прошёл для меня будто в тумане. Возможно, мы и посещали местную деревеньку и, возможно, мы посетили и другие места, – только я этого не заметила. Перед моими глазами была постоянная пелена, а желудок сводило от боли. И я думала лишь об одном: когда

же эта злосчастная поездка закончится. Но Аки забрал нас первыми и отвёз в отель последними.

И после этой отнюдь недешёвой экскурсии мне пришлось ещё очень долго приходить в себя.

И я спросила мужа:

– Скажи, пожалуйста, зачем ты заказал горное сафари, если прекрасно знал, что я очень плохо переношу автомобильные поездки?

– Мне фотки понравились, – простодушно ответил муж.

– Но Катя наверняка рассказала тебе о том, что это – двенадцатичасовая поездка на джипах по горным дорогам!

– Но я не думал, что тебе будет так плохо, – спокойно ответил муж.

– А о чём ты думал? Если меня укачивает даже во время поездки по ровной дороге, чему ты лично много раз был свидетелем, то неужели ты надеялся, что путешествие по горному серпантину на протяжении целого дня пройдёт для меня бесследно?

– Но это была самая интересная экскурсия из предложенных, – продолжал валять Ваньку Андрей.

– Возможно, она и должна была быть самой интересной, но только не для меня. Тебе следовало выбрать что-то другое, более спокойное.

– Ну, теперь я буду знать, что тебя в такие экскурсии лучше не брать, – недовольно заявил муж.

– Нет, теперь я сама буду выбирать экскурсии, – ответила я.

А следующим неприятным моментом нашей поездки были часы посещения пляжа.

Мой муж – парень смуглый и легко загорает на солнце. А я – девушка не просто белокожая, а бледнокожая. Загар для меня – это нечто из разряда утопии. Моя кожа не просто не восприимчива к загару, всё гораздо хуже. Пребывание на палящем солнце для меня противопоказано в принципе, поскольку я моментально покрываюсь ожогами. Именно поэтому я купила себе солнцезащитный крем с самым высоким уровнем защиты. Приобрела широкополую шляпу, очки, чтобы не обгореть на жарком кипрском солнце. И по этой причине я очень просила мужа ходить на пляж только в утренние и вечерние часы, когда не так жарко. Но бесполезно.

– Ничего, – отвечал муж. – Спрячешься под зонтиком, и ничего с тобой не случится.

Так я и сделала. Придя в первый же день на пляж около одиннадцати часов утра, мы заплатили за шезлонг с зонтиком, под которым я и спряталась.

Приблизительно в час дня я поняла, что ни солнцезащитный крем, ни зонтик мне не помогают. Я чувствовала, как натягивается и горит моя кожа, и пребывание на пляже превращается для меня в нестерпимую муку.

– Андрюш, давай вернёмся в отель, – предложила я мужу. – По-моему, я сгорела.

– Как ты могла сгореть? Ты же всё время в тени! – возразил муж, не желая уходить.

– Я не знаю, как это могло случиться, но я чувствую, как моя кожа горит, – ответила я.

– Хватит врать! – начал ругаться на меня муж. – Надоело загорать, так прямо и скажи!

– Да я бы с радостью провела здесь весь день, но не могу. Прошу тебя, давай прямо сейчас пойдём в номер!

– Нет, – не желал соглашаться со мной муж. – Дай ещё хоть разок окунуться и обсохнуть!

И мы провели на пляже ещё полчаса. За это время я натянула на себя всю одежду, обмотав открытые участки тела полотенцем и став похожей на человека-невидимку из романа Герберта Уэллса. И когда мы вернулись в номер, Андрей наконец-то сам смог убедиться в том, что я его не обманывала.

Вся моя кожа была в красно-багровых ожогах, которые неравномерно покрывали всё тело.

– Налей себе холодную ванну и отмокай, – приказал муж. – К вечеру всё пройдёт.

Но ни к вечеру, ни на следующий день лучше не стало. Моё тело горело, и из-за этого я даже не могла ночью спать, не зная, какую позу лучше принять, чтобы не потревожить раненую кожу.

Андрей совершенно не проявлял ко мне никакого сочувствия. Наоборот, он возмущался тем, что я отказываюсь заниматься с ним сексом по такой плёвой причине, как обгоревшая кожа.

Посещать пляж я больше не могла, и мужу пришлось делать это в одиночку, что, конечно же, стало для него новым поводом для упреков в мой адрес.

Ещё до поездки на Кипр один из друзей Андрея по имени Михаил Захаров говорил нам, что хотел бы поехать за границу, в какую-нибудь жаркую страну, чтобы там от души напиться под пальмами. И Андрей поддерживал его в этих мечтах.

– Представляешь, – говорил мне после этого муж. – Нажраться под пальмами! Вот это отдых!

В ответ я лишь мило улыбалась, полагая, что это – шутка. Но когда мы прилетели на Кипр, я поняла, что муж не шутил. Ужраться до потери памяти – это было реальной целью любого мероприятия, в котором он участвовал. И это очень сильно меня огорчало. И единственное, что казалось мне в этом желании непонятным, так это зачем тратить огромные деньги на перелёт в другую страну, на отели, на трансфер, на визы и нести прочие сопутствующие расходы исключительно для того, чтобы напиться? Какая разница, где упасть мордой в грязь: в соседней подворотне или под африканскими пальмами?

Да, пожалуй, что упасть на тёплый песок гораздо приятнее, чем на асфальт или в лужу. Но платить за это тысячи долларов? Неужели оно того стоит, если цель всё равно одна?

Романтическая поездка на Кипр превратилась для меня в пытку. И я мечтала лишь об одном. Поскорее вернуться домой, чтобы всё это закончилось. И когда по возвращении в Москву мы рассказывали своим знакомым об отпуске на Кипре, опуская при этом все вышеупомянутые мною подробности, то я завершала своё повествование всегда одинаково. Я говорила, что ещё одна поездка на солнечный Кипр не входит в наши планы, так как во время этого путешествия нам пришлось столкнуться с рядом трудностей, которые я постараюсь избежать во время следующего нашего визита за границу.

Да, так прошла наша с мужем первая и единственная «романтическая» поездка, из которой я вернулась с таким неприятным осадком на душе, что спустя время даже перестала упоминать о том, что когда-то была на Кипре. И единственным положительным моментом этого путешествия для меня являлся лишь горький жизненный опыт путешествий с мужем, от которого я в любую минуту могла ждать неприятных сюрпризов.

Оторвавшись от воспоминаний, я сфокусировала свой взгляд на чаше, которую держала в руках. Я даже разглядела выдавленные на ней незамысловатые узоры, которые представляли собой то ли геометрические фигуры, то ли руны. И это наблюдение отвлекло меня от грустных мыслей. Я сделала глоток снадобья, которое снова обожгло мне горло. Но поскольку в этот раз я была готова к подобным ощущениям, то даже не сбила дыхание, пока пила. А когда чудодейственная жидкость покатилась вниз по моему желудку, мне даже показалось, что на какую-то долю секунды я испытала нечто вроде эйфории. И это ощущение мне очень понравилось. Значит, нужно продолжать пить это снадобье хотя бы для того, чтобы иметь возможность снова испытать это удовольствие. Ведь никаких иных радостей в жизни у меня уже не осталось. И я снова пустилась в дорогу воспоминаний.

Когда мы с Андреем поженились, то всё, что было у нас схожего, как-то сразу уменьшилось. И наоборот, стали выявляться различия, которых, оказалось, было чересчур много. У нас были разные вкусы в еде и напитках, разные предпочтения в телевизионных передачах и, главное, у нас с мужем был абсолютно разный режим дня.

Я, как и все у меня в роду, «жаворонок». Встаю вместе с солнцем и с ним же ложусь. А муж, наоборот, не мог уснуть до трёх часов ночи, а потом, если не нужно было вставать на работу, мог проспать до обеда.

Возможно, если бы мы с самого начала нашей семейной жизни могли жить отдельно от его родителей, это бы не стало такой серьёзной проблемой. Но нам с мужем приходилось существовать на десяти квадратных метрах жилого пространства, и потому волей-неволей мне пришлось подстраиваться под Андрея, сбивая при этом свои собственные биоритмы.

И пока муж на полной громкости до трёх часов ночи смотрел телевизор, я пыталась как-то заснуть рядом с ним. Убавлять громкость Андрей не хотел принципиально, заявляя одно:

– Хочешь спать – уснёшь.

И, обессиленная, я засыпала, но просыпалась каждый раз, когда мужу приходило на ум встать, чтобы пойти в туалет, попить воды или что-нибудь поесть. И засада здесь крылась в том, что Андрей откидывал одеяло не со своей стороны, как это сделал бы любой другой человек, а с моей.

Каждый раз он скидывал с меня одеяло и поднимался с кровати так, словно старался разбудить при этом весь дом. И, конечно же, я просыпалась.

– Ну почему ты не можешь приподнимать одеяло со своей стороны? – измученным голосом спрашивала я его.

– Потому что твой муж не спит! Так почему же ты должна спать в это время? – сварливо возмущался Андрей.

– Потому что я устала, и завтра утром мне нужно идти на работу, а вечером в Академию! – отвечала я.

– И что? Мне тоже утром нужно идти на работу! Но я же не сплю! – спорил со мной муж.

– Но это – твой выбор! Не хочешь спать – не спи. Я же не заставляю тебя делать то, что делаю сама! – пыталась вразумить я мужа.

– Ты – моя жена! И должна делать то, что я тебе велю! – заявлял он. – И я тебе говорю, чтобы ты не смела спать, когда я не сплю!

– Но это не зависит от моего желания, – оправдывалась я. – У нас в роду все ложатся спать рано. И если я в позднее время не окажусь в постели, а буду сидеть за столом, то всё равно отключусь!

– Но ты – моя жена! И должна быть такой, как нужно мне!

Мы продолжали спорить, и я засыпала прямо в разгар спора. Но Андрей не хотел с этим мириться. Он толкал меня, будил, запрещая спать, но это слабо помогало. Даже когда я не спала, толку от меня не было никакого. Я была как сомнамбула в невменяемом состоянии. Со мной бесполезно было о чём-то разговаривать или просить что-то сделать. Мои движения были заторможенными, а речь – невнятной.

И так продолжалось все восемнадцать лет. Муж всегда злился на меня за то, что у меня – здоровый сон, тогда как он вечно страдал бессонницей.

И лишь когда родилась дочь, он перестал смотреть телевизор на полной громкости до середины ночи, потому что новорождённому ребёнку трудно объяснить то, что необходимо засыпать под шум телевизионных передач, которые так любит смотреть отец. От звуков рекламы дочь просыпалась и орала, и успокоить её не было никакой возможности, поэтому волей-неволей мужу пришлось смириться с тем, что громкость нужно убавлять.

А через пять лет брака мне удалось ещё немного отвоевать свои права, и мы стали спать под разными одеялами, потому что муж всегда потел и любил спать под тонким одеялом. Я

же, наоборот, из-за плохой работы сосудов вечно мёрзла и потому любила тепло. А спать, прислонившись друг к другу, было невозможно, потому что от этого муж потел ещё сильнее. Поэтому я и предложила использовать на кровати два одеяла, чтобы решить эту проблему. И хотя муж очень долго этому сопротивлялся, но со временем согласился. И после этого, когда Андрея мучила бессонница, и он по сто раз за ночь вставал с кровати, то не скидывал с меня одеяло, потому что теперь у него было собственное.

У Андрея была ещё одна дурная привычка – пускать газы в постели. И рано утром и поздним вечером. Складывалось впечатление, словно он нарочно перед сном не ходил в туалет, чтобы иметь возможность лишний раз нагадить мне.

– Если тебя пучит, сходи, пожалуйста, в туалет. Зачем же делать это в постели? – каждый раз спрашивала я его.

– Будешь возмущаться, приоткрою одеяло, и тебе придётся всё это нюхать, – отвечал он, пуская новую порцию газов.

Бороться с этим было бесполезно. И продолжалось это безобразие на протяжении всей нашей семейной жизни.

Когда мы только начали встречаться с Андреем, выяснилось, что он курил. Курил немного, по несколько сигарет в день, но для меня и это было невыносимым, потому что у меня в роду не было курящих мужчин. Да и женщин тоже. И я не переносила запах табачного дыма. Но так как наши с Андреем встречи были достаточно редкими: пару раз в неделю по вечерам после занятий в Академии, то я старалась мириться с этим его недостатком. И пока наши отношения были лишь на уровне невинного общения, я не смела делать ему никаких замечаний.

Но после того как он сделал мне предложение, я решила сообщить ему о своей непереносимости табачного дыма.

– Не обижайся, пожалуйста, но меня тошнит от запаха сигарет. И если сейчас ты можешь спокойно курить в моё отсутствие, то если мы поженимся, тебе придётся совсем отказаться от курения. Если, конечно, ты хочешь на мне жениться.

И хотя я не очень-то верила, что Андрей послушает меня, но в этом случае я ошиблась. Он сразу же бросил курить, чем окончательно убедил меня в своей любви. И я поверила ему. Но не всё было так просто.

В первые дни после нашей свадьбы я не видела в руках Андрея ни одной сигареты, но буквально через неделю мы пошли на свадьбу к его другу Сергею Зимину, с которым муж учился в техникуме. И во время праздничного застолья я заметила, что Андрей снова закурил.

– Зачем ты это делаешь? – удивилась я. – Ведь ты бросил курить несколько месяцев назад!

– Олеся, пойми: такая хорошая компания, я выпил, и единственное, чего мне сейчас не хватает, так это хорошей сигареты. Ты же сама видишь, я теперь не курю. А сегодня такой день, что можно сделать исключение.

И я снова ему поверила. Я решила, что это был один-единственный раз, когда он сорвался. Но чем больше времени проходило со дня нашей свадьбы, тем больше было таких исключений. Андрей придумывал любой предлог, чтобы оправдать своё курение. Он говорил, что у них на работе курят все. Даже девчонки. И если он не будет курить, то его просто засмеют.

– Но надо мной же никто не смеётся! – отвечала я. – Хотя в группе, где я учусь, кроме меня не курит лишь одна девчонка.

– Сравнила! Ты – женщина! Какой с тебя спрос? А я – мужик! Я должен курить!

– С чего ты взял, что ты кому-то что-то должен? – спрашивала я.

– Не спорь со мной! Я лучше знаю! – отвечал муж, грубо обрывая разговор.

Муж курил всё больше и больше, пропитывая своё тело запахом табака. И хотя мне это было жутко неприятно, я старалась сдерживать рвотные позывы и, находясь рядом с мужем, постоянно задерживала дыхание, чтобы не вдыхать табачный дым. А со временем я перестала делать Андрею замечания, поняв, что не смогу его исправить, и мысленно ругала себя за то, что позволила этому человеку задурить мне перед свадьбой голову.

В первые дни брака меня вообще ждало очень много неприятных открытий. Так, например, выяснилось, что мой муж – страшный матершинник. Впрочем, так же, как и его пожилые родители. Причём они не просто добавляли в свою речь мат, они на нём разговаривали. И даже понимали друг друга, что меня крайне удивляло. И хотя я была страшно разочарована, но понимала, что переделывать мужчину, выросшего в такой семье, бесполезно. Поэтому я просила мужа:

– Андрюша, пожалуйста, при мне не ругайся матом.

– А я и не ругаюсь, – отвечал он.

– А что же в таком случае ты сейчас делаешь? – спрашивала я его после очередной нецензурной тирады.

– Я разговариваю, – непринуждённо отвечал он. – Да и тебе уже пора перестать прикидываться благородной девицей. Мы уже женаты. Так что прекращай строить из себя праведницу и веди себя так, как нормальная девчонка.

– А почему ты решил, что до свадьбы я кем-то прикидывалась? – удивлённым тоном спрашивала я.

– Потому что все так делают. И таких людей, какой пыталась казаться ты, просто не существует.

– Каких людей? – снова не поняла я.

– Будто сама не знаешь! Правильных, воспитанных, культурных. Хочешь сказать, ты никогда не ругалась матом?

– Нет, не ругалась, – честно ответила я.

– Так не бывает, – недоверчиво проговорил муж. – По крайней мере, я таких людей раньше не встречал.

– Ну так посмотри! В отличие от тебя, я на самом деле такая, какой меня видят окружающие.

– Такого не может быть! – продолжал упорствовать муж. – Хочешь сказать, что если тебе кто-то наступит на ногу, ты не обложишь его трёхэтажным, как любой нормальный человек?

– Ну, если для тебя нормальным человеком является тот, кто всех направо и налево обкладывает трёхэтажным матом, то, по твоим меркам, я – ненормальная, потому что когда мне кто-то наступает на ногу, я, конечно же, не кричу от восторга. Я говорю: «Нужно быть осторожнее!». А если человек сразу же извинится, то я вообще ничего ему не говорю.

– Ты врёшь, – недоверчиво ответил муж. – Вот спорим, что в самое ближайшее время я поймаю тебя на том, что ты ругаешься матом?

– Если тебе этого хочется, то можем поспорить. Да только ждать тебе придётся слишком долго, потому что если за свои двадцать лет я не произнесла ни одного матерного слова, то вряд ли начну это делать сейчас.

– И ты хочешь, чтобы я поверил в то, что ты ни разу в жизни использовала в разговоре мат? – продолжал не верить моим словам Андрей.

– Можешь не верить. Это твоё дело, – ответила я, не считая нужным доказывать свою невиновность.

– Разумеется, я же не могу этого проверить, поэтому ты можешь говорить всё, что захочешь. Но я непременно поймаю тебя на вранье! И тогда ты заплатишь за это! – разгорячившись, заявил муж.

И он ждал. Год, два, десять, пока не понял, что я говорила правду. И потом это даже стало предметом его гордости, а также предметом его споров с другими людьми, которые пытались спровоцировать меня на нецензурную брань, но так и не дождались положительного результата.

Несмотря на то, что с самых первых дней нашего брака мои отношения с мужем были не совсем гладкими, я всё же тянулась к нему, стараясь при малейшей возможности доказать Андрею свои добрые чувства и привязанность. Мне хотелось как можно больше общаться с ним, лучше узнать этого человека и дать ему возможность узнать себя. Но мне, как и ему, нужно было работать и учиться, и потому времени для выражения своих эмоций почти не оставалось. Поэтому в обеденный перерыв я стала звонить ему, чтобы иметь возможность лишний раз услышать родной голос и поделиться новостями. Но стоило мне набрать рабочий номер Андрея и услышать его голос, как я тут же получала в ответ отнюдь нелицеприятные слова.

– Чего звонишь? – грубо отвечал он.

– Поговорить с тобой, – ошарашенно произносила я, чувствуя вину за то, что посмела напрасно беспокоить своего мужа в его обеденный перерыв.

– Ну чего тебе? – высокомерно-снисходительным тоном говорил он, словно делал мне одолжение тем, что вообще отвечал на звонок.

– Просто хотела рассказать, как у меня прошло утро.

– А ты хоть в курсе, что я сейчас на работе? – не желая слушать, прерывал разговор Андрей.

– Конечно! Ведь я звоню тебе на рабочий номер, – начинала оправдываться я.

– А если ты знаешь, что я сейчас на работе, то должна знать, что у меня нет времени ни для каких личных бесед, – продолжал опускать мою самооценку Андрей. – Олеся! Я сто раз говорил тебе, что нахожусь на ответственной должности! От меня зависит работа всего Министерства внутренних дел! И если я буду тратить время на то, чтобы выслушивать бабьи сплетни, то это парализует работу целого Министерства! Ты должна это понимать и не звонить мне лишь для того, чтобы рассказывать о своих бабских делах!

После этого Андрей бросал трубку, и мне не оставалось ничего другого, как отодвигать от себя телефонный аппарат и прятать свой взгляд от коллег, которых неизменно удивлял тот факт, что молодожёны практически не общаются между собой. Но я повторяла всем историю о том, что мой муж – не просто сотрудник органов внутренних дел, а очень ответственный работник на важном посту, и его ни в коем случае нельзя отвлекать пустыми разговорами.

Но судя по недоверчивым и сочувственным выражениям лиц моих коллег, мне мало кто верил. Но меня их мнение особо не волновало, ведь главным было то, что я сама верила мужу и старалась лишний раз не беспокоить его, потому что очень часто, услышав мой голос в трубке, Андрей просто бросал её, не говоря ничего в ответ, а вечером объяснял свой поступок тем, что я позвонила не вовремя.

И хотя всё это казалось мне надуманным и малоправдоподобным, так как любой человек всегда может найти пару секунд, чтобы извиниться и сообщить своему собеседнику о том, что сейчас неподходящее время для разговора, Андрей не старался быть вежливым со мной. И поэтому я стала звонить ему лишь в действительно неотложных случаях и с ходу выпаливала те новости, ради которых я набрала его номер телефона, пока он не успевал бросить трубку.

И несмотря на то, что всё это мне было крайне неприятно, я утешала себя мыслью о том, что мой муж – важный человек в системе Министерства внутренних дел, и моя задача – быть примерной женой при нём. И как могла, я старалась справиться с этой задачей, полностью жертвуя собой и своими интересами ради мужа даже в самых незначительных мелочах.

Так, например, как и большинство людей в начале девяносто годов я постоянно следила за интригующими и захватывающими перипетиями семьи Си Си Кэпвелла в американском телесериале «Санта Барбара». Я не собиралась подсаживаться на этот сериал и, более того,

если бы я хотя бы приблизительно знала о количестве серий этой мыльной оперы, то с самого начала не стала бы её смотреть. Но в тот субботний день, когда на наши телеэкраны впервые ворвалась «Санта-Барбара», в телевизионной программе было указано лишь название фильма. Но на следующий день последовало продолжение. А затем были новые серии. Фильм всё не заканчивался и не заканчивался, а его актёры были так непозволительно красивы, а их жизнь казалось такой удивительной и сказочной, и так поразительно отличающейся от наших тогдашних реалий и от советских фильмов, что я невольно ловила себя на мысли о том, что с нетерпением жду продолжения и не хочу, чтобы этот сериал заканчивался.

И когда мы с Андреем поженились, я не собиралась прекращать просмотр «Санта-Барбары». Но едва муж узнал об этом, то сразу же возмутился.

– Олеся, ты замужем! Можешь забыть обо всех фильмах и сериалах, которые ты раньше смотрела! Теперь у тебя на это не будет времени. Вечерами у тебя будут другие занятия, и ты должна будешь делать только то, что я тебе скажу. А телевизор ты будешь смотреть только со мной и только то, что я сам выберу.

И хотя эти речи мне совсем не понравились, в глубине души я даже немного порадовалась командному тону мужа и тому, что он собирается все решения принимать сам. Ведь мне, как и любой девушке, очень хотелось обрести крепкое плечо мужчины, за чью могучую спину можно спрятаться от любых жизненных невзгод. И отказ от сериала «Санта-Барбара» я посчитала малой платой за право обрести надёжного спутника жизни, который будет заботиться обо мне.

Но у Андрея, однако, подобные планы были исключительно по поводу моего досуга и свободных вечеров, о существовании которых мне вскоре, действительно, пришлось забыть. Андрей был не в состоянии принимать вообще никаких решений. Даже какой галстук утром выбрать. Всё должна была решать я. Но, к сожалению, эта возможность совершенно не давала мне права смотреть телевизор или вообще каким-либо образом развлекаться, потому что после замужества моя жизнь превратилась в сплошной круговорот работы, учёбы и домашних дел, где я ни секунды не могла посвятить себе.

Как и большинство девушек, я не выходила из дома, не накрашившись. Мне было стыдно появляться на людях с голым лицом без малейших признаков макияжа. Но если предстояло провести выходной день дома за семейными хлопотами, то, естественно, я не накладывала макияж. И это безумно злило мужа.

– Олеся! Почему ты не накрашена? – каждый раз возмущался муж, увидев меня без макияжа.

– Потому что я мою полы, а затем буду стирать бельё. Потом мне нужно варить суп. После чего я буду писать контрольную работу по уголовному праву. Зачем мне краситься, если мы никуда не собираемся идти? – спокойным тоном отвечала я.

– А как же я – твой муж? Ты предлагаешь мне весь день смотреть на тебя ненакрашенную? – не сдерживая негодования, выговаривал Андрей.

– А ты не смотри. Всё равно ты весь день глаза от телевизора не отрываешь, а я верчусь, как белка в колесе. Зачем мне использовать косметику, если я могу случайно её размазать? Ты же, к примеру, по выходным дням не бреешься, хотя у тебя очень колючая щетина, о которую я постоянно ранюсь. Так почему же в таком случае я должна краситься?

– Я не бреюсь, потому что моя кожа должна отдыхать, – капризным тоном отвечал муж.

– А моя кожа, значит, не должна отдыхать? – не скрывая сарказма, говорила я.

– Но ты – женщина! И всегда должна хорошо выглядеть!

– А разве я плохо выгляжу? – задетая за живое, вступала я в спор. – Может быть, у меня жир с боков свисает, или я хожу дома в драном халате? Или у меня угри по всему лицу? Или, может быть, у меня такие мелкие глаза, что без макияжа их совсем не видно? Что тебя не устраивает? У меня фигура, как у супермодели, и в отличие от твоей матери, которая по

квартире ходит чёрт знает в чём, я всегда аккуратно одета и причёсана, а моей коже завидуют все подруги. А о том, что у меня большие глаза, ты сообщил ещё на первом свидании. Так что же тебя не устраивает?

– Я люблю, когда девушки ярко красятся, – заносчиво заявлял муж. – Тебе что, сложно накраситься для меня?

– Несложно. Но я не вижу в этом необходимости, потому что сейчас мне нужно идти в ванную и стирать бельё, и я могу случайно брызнуть на лицо водой и размазать весь свой макияж. А затем мне нужно варить суп, и когда я буду наклоняться над кипящей кастрюлей, косметика на моём лице может поплыть.

– Но когда ты всё сделаешь, ты можешь накраситься для меня? – продолжал настаивать муж.

– Могу. Но зачем это делать на ночь глядя? Потому что в постели косметика тоже может размазаться.

– Но мне хочется! – словно маленький мальчик, просящий леденец, продолжал уговаривать меня муж. – Тебе сложно, что ли?

И я сдавалась. Переделав всю домашнюю работу, я накладывала макияж, который держался на моём лице совсем недолго, радуя мужа, который, в свою очередь, совершенно не торопился порадовать чем-то меня в ответ.

В постели муж очень часто повторял, что любит меня. И однажды я его спросила:

– А что для тебя любовь?

– Как что? – не понял сути вопроса муж.

– Вот ты всегда говоришь, что любишь меня. А что именно ты чувствуешь ко мне? Ты можешь описать?

– Ну, мне приятно, что когда я прихожу вечером с работы домой, ты подаёшь мне ужин, ты гладишь мои рубашки, а потом ложишься со мной в постель, – начал перечислять муж.

– Это всё не то, – остановила я его. – Я имела в виду те ощущения, которые ты испытываешь при виде меня или когда думаешь обо мне.

– Я тебе уже всё ответил. Мне приятно видеть тебя, когда ты готовишь ужин, приятно видеть тебя со мной в постели.

– Но всё это с таким же успехом могла бы делать любая другая девушка.

– А мне приятно, что это делаешь именно ты.

– Но я другое хотела бы у тебя узнать, – дипломатично произнесла я, пытаюсь выяснить у мужа, действительно ли он испытывает ко мне чувство любви, или всё это – лишь пустые слова, лишённые смысла. – Вот если я люблю, то готова жизнь отдать за любимого человека. Я готова ради любви на любые жертвы.

Произнеся эти слова, я надеялась услышать от мужа то же самое или хотя бы нечто подобное, но он снова ушёл от ответа.

– Что-то ты загнула. Я рассказал тебе о своей любви, а тебе всё мало.

И, отвернувшись, он включил телевизор, чтобы снова смотреть свои полуночные передачи.

Наверное, все парни сравнивают своих молодых жён с матерями. И, конечно же, сравнение всегда будет не пользу девушек, потому что у свекровей есть двадцать-тридцать лет форы, в течение которых они были для своих сыновей примерами для подражания. И особенно тяжело приходится тем девушкам, которые вынуждены жить под одной крышей со свекровью, потому что тогда упреки их молодых мужей происходят гораздо чаще и нагляднее.

Вот и мне «посчастливилось» пережить подобное.

Когда я вышла замуж за Андрея, свекровь уже несколько лет находилась пенсии, и потому у неё была масса свободного времени, которое она из-за отсутствия какого-либо хобби и, вероятно, ещё и мозгов, не знала куда деть. Поэтому, если она принималась за какое-то занятие, то делала это очень-очень-очень медленно. Например, свекровь никогда не пользовалась электрическим утюгом. У неё был старый чугунный утюг, который нужно было греть на плите. Поэтому процесс глажения одежды занимал у свекрови целый день. И отнюдь не от того, что белья было много. А потому, что она растягивала это удовольствие на целый день.

Когда свекровь собиралась гладить, она с самого утра закрывалась на кухне, не пуская туда никого, даже для того, чтобы попить воды. Затем она доставала свой чугунный утюг, разогревала его, освобождала кухонный стол от всех предметов и стелила на него одеяло. И дальше начиналось таинство глажения. Один комплект постельного белья она гладила девять часов! Бог – свидетель, я не вру. Я просто засекала время.

Я даже представить себе не могу, как можно делать работу так медленно. Но результат, конечно, был превосходный. Бельё было разглажено идеально. Ни единой складочки, ни единой морщинки. И всё это добро свекровь аккуратно складывала в шкаф, где бельё лежало ровными стопками, дожидаясь своего часа.

Собственно, любую домашнюю работу свекровь делала ровно с такой же скоростью. Так, на приготовление супа у неё уходило тоже девять часов. Видимо, данный промежуток времени был для неё стандартным временным отрезком. И поначалу я удивлялась, как можно варить овощи так долго? Ведь они же разварятся, превратившись в тюрю! Но потом мне удалось краем глаза подглядеть этот процесс, и, оказалось, что все ингредиенты, необходимые для супа, свекровь готовила по отдельности. Например, сначала она варила картошку в отдельной кастрюле. И пока картошка варилась, эта женщина не делала ничего. Она просто сидела за столом и ждала. А после того как была отварена картошка, наступала очередь морковки, которая ставилась на плиту в другой кастрюле. И пока морковка не успевала приготовиться, свекровь не приступала ни к чему другому. Она сидела за кухонным столом, глядя в пространство и никого не пуская на кухню, дабы никто не посмел помешать таинству приготовления супа.

Честно, я бы свихнулась так готовить. Но для свекрови это было обычным делом, поэтому в день она могла приготовить не больше одного блюда, а то и меньше. И соответственно, членам её семьи часто приходилось питаться в рабочих столовых, чтобы не умереть с голоду.

Но несмотря на всё это, свекровь продолжала оставаться для Андрея эталоном, на который мне следовало равняться. Особенно, когда вопрос касался того, как следует гладить его рубашки и постельное бельё. Только вот в отличие от свекрови у меня не было столько свободного времени, а главное, не было места, где бы я могла так долго заниматься глажением вещей. Поэтому я купила себе электрический утюг и гладильную доску, и гладила вещи так, как это делают все: быстро и аккуратно.

И, конечно же, в нашем с мужем шкафу не было таких идеальных стопочек белья, как у свекрови. И для Андрея это стало лишним поводом для упрёков в мой адрес.

– Ты видела, как мама аккуратно гладит вещи? Видела, какие у неё ровные стопки постельного белья лежат в шкафу? Так почему ты не можешь это делать точно так же?

– А ты знаешь, сколько времени твоя мать тратит на то, чтобы погладить один комплект постельного белья? – тут же реагировала я. – Девять часов! И где ты прикажешь мне взять это время? Может быть, ты предложишь мне уволиться с работы, или уйти из Академии, чтобы у меня появилась возможность гладить целыми днями твоё бельё? Да и зачем это нужно? Ведь стоит только постелить в кровать эти простыни и лечь на них, как через пять минут они снова будут мятыми!

– А разве тебе не было бы приятно смотреть на ровные стопки белья в своём шкафу? – не унимался Андрей.

– Веришь, мне даже смотреть на них некогда! Я погладила бельё, положила на полку и забыла о нём. А когда пришло время, достала бельё из шкафа, застелила постель и снова перестала думать о нём.

– А как же гости? – неожиданно заявил Андрей.

– А причём здесь гости?

– Как причём? – сварливо продолжал отчитывать меня муж. – Предположим, зашёл к нам кто-нибудь в гости и заглянул в шкаф. И разве тебе не захотелось бы, чтобы все увидели, какие у тебя на полках аккуратные стопки белья?

– А зачем гостям заглядывать в наш шкаф? – снова поинтересовалась я, не понимая логики мужа.

– Вдруг им захочется! Или предположим, ты сама решишь показать им своё бельё, – ответил муж, снова удивив меня своими нелепыми предположениями.

– А зачем мне показывать гостям своё постельное бельё? – продолжала недоумевать я.

– А вдруг разговор зайдёт о том, как у кого в шкафу сложены вещи, – закончил свою мысль муж, и я снова поняла, что в его семье что-то идёт не так.

– Знаешь, Андрюш, у меня с друзьями очень много интересных тем для беседы, но ни одна из них никогда не касалась того, как у кого в доме хранится постельное бельё.

– А моя мама всё время показывает гостям своё постельное бельё! – с гордостью произнёс Андрей. – И её после этого всегда хвалят.

– Видимо, твоей матери больше нечем похвастаться и поговорить с гостями не о чем, если она каждого встречного и поперечного заставляет заглядывать в свой бельевой шкаф.

– Но мне хотелось бы, чтобы ты тоже могла этим хвастаться, – продолжал настаивать муж.

– Знаешь, у меня множество других достоинств, и поэтому тратить свой единственный выходной день на глажение белья, чтобы потом удивлять этим каких-то непонятных гостей я не буду.

Муж насупился, но не отступился. Ещё несколько лет он пытался заставить меня гладить бельё лучше и аккуратнее, чтобы оно лежало в шкафу идеальными стопочками, но ему это не удалось. Тем более что в наш шкаф никто и никогда из посторонних людей не заглядывал, и даже не проявлял инициативы туда заглянуть, и потому со временем Андрей смирился с тем, что на идеальные стопки белья он мог любоваться только в комнате своей матери.

Андрей всегда очень много говорил и, естественно, требовал, чтобы я всегда сидела и слушала его, ни на что не отвлекаясь, даже на домашние дела. И это было для меня крайне утомительно и обременительно. Вынужденное безделье всегда страшно угнетает меня, потому что в эти минуты мне кажется, что я напрасно теряю драгоценное время, которого и так нам выделено крайне мало. И потому я стараюсь всегда делать несколько дел одновременно, потому что только тогда я чувствую себя комфортно, переставая ощущать, что что-то упускаю в этой жизни.

Но здесь был другой случай. Андрей любил так долго и обстоятельно рассказывать всё, что произошло с ним за день, что я еле сдерживалась, чтобы не вспылить или не взорваться. К примеру, он мог начать свой рассказ так.

– Сегодня я такую интересную фразу услышал. Мне сказал её один знакомый. Петя Иванов.

И дальше следовала подробная биография Пети Иванова. Когда тот родился, женился, устроился на работу, каких карьерных высот достиг. И так минут на двадцать.

Затем следовала вторая часть повествования, которая начиналась приблизительно так:

– Я встретил Петю Иванова на улице.

И дальше я вынуждена была выслушивать подробный рассказ о том, как мой благоверный шёл по улице. О том, как он переходил дорогу, как его чуть не облила проезжавшая мимо

машина, и как он отряхивал грязь с брюк и ботинок, а затем мимо прошла девушка, очень сильно похожая на какую-нибудь известную певицу или актрису. В общем, ещё минут двадцать.

Потом наступала третья часть повествования, а именно, подробный разговор с вышеупомянутым Петей Ивановым.

– И тут я замечаю в двух шагах от себя Петю Иванова, – продолжал свой затянувшийся рассказ муж. – «Здорово, мужик!» – говорю я ему. «Здорово!» – отвечает он. А я ему: «Сколько лет, сколько зим!» А он в ответ: «Да, давно не виделись».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.